

М. РОММ, Д. ХРАБРОВИЦКИЙ

• ИСКУССТВО •

9 ДНЕЙ ОДНОГО ГОДА

Михаил Ильич Ромм, народный артист СССР, видный общественный деятель, талантливый кинорежиссер, сценарист и педагог, широко известен советским зрителям. Он родился 24 января 1901 г. в Иркутске. После демобилизации из Красной Армии поступил в Высший государственный художественно-технический институт (ВГИТИ), в котором и окончил факультет скульптуры. Во время учебы и в первые годы после окончания института занимался литературной работой.

В 1928—1930 годах им уже было написано около 10 сценариев. Но лишь некоторые из них были поставлены («Быт горит», «Реванш», «Рядом с нами», «Конвейер смерти»).

В 1934 году М. Ромм по собственному сценарию, написанному, по одноименному рассказу Г. Мопассана, поставил фильм «Пышка».

В 1937 и 1939 годах режиссер поставил по сценариям А. Каплера широко известные фильмы о В. И. Ленине — «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году».

Война застала режиссера за работой над постановкой фильма «Мечта», над сценарием которого Ромм работал совместно с Е. Габриловичем. Событиям военных лет посвящены его фильмы «Человек № 217» и «Секретная миссия». Им поставлены также: двухсерийный фильм о знаменитом русском флотоводце адмирале Ушакове, «Убийство на улице Данте».

На протяжении ряда лет Ромм ведет большую работу по воспитанию молодых режиссеров во ВГИКе и на студии «Мосфильм», где он руководит Вторым творческим объединением.

Сценарий «Девять дней одного года» написан М. И. Роммом совместно с Д. Я. Храбровицким.

БИБЛИОТЕКА КИНОДРАМАТУРГИИ

М. РОММ
Д. ХРАБРОВИЦКИЙ

Девять дней одного года

Издательство «Искусство»
Москва 1962

История, которую мы собираемся рассказать, началась далеко от Москвы, в маленьком городке, который весь состоял из нескольких улиц вокруг большого физического института. Длилась она год. Мы выберем из этого года всего девять дней. Почему именно эти дни,— вы поймете потом сами.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ Ранняя осень

Диспетчерский зал современного физического института. Холодное, пустое зеркало кафельного пола, потоки света откуда-то сверху — и сотни приборов на полукруглой передней стене: гигантские пояса цифербла-

Примечание: текст диалогов частично был изменен на репетициях. Мы печатаем сценарий в том виде, как он был написан. Внесены только наиболее значительные из наших рабочих поправок.

тов и стрелок, то бегущих широкой лентой, то скопляющихся в многометровые прямоугольники, простроченные изящным пунктиром матовых сигнальных лампочек.

...Посреди зала — пульт. Ряды индикаторов, ручек, кнопок и рычажков. Тихо.

За пультом на вертящихся креслах сидят рядом девушка и молодой человек. Они следят за приборами.

Девушка подперла щеку ладонью. Свободная рука лежит на пульте. Рядом рука молодого человека.

Их лица.

Их руки.

Рука молодого человека ложится на руку девушки.

Напряженно счастливые лица.

Резкий звонок.

Стремительно повернулись лица девушки и молодого человека.

Замигали сигнальные лампы.

Стрелки на четырех приборах, дрогнув, поползли направо.

Завыла мощная сирена.

Тревога.

Поворачивается, закрываясь, грубая бетонная дверь.

Другая такая же.

Еще одна.

Выскакивает человек в коридор.

Сотрудники отрываются от приборов...

Кто-то кричит в телефонную трубку.

Кто-то, не дослушав, бросает трубку.

И, наконец, — последний, очень длинный кадр тревоги: перед нами нескончаемый бе-

тонный изгибающийся коридор. Он весь состоит из проводов и кабелей разного сечения. Провода — черные, грязно-серые, красные, желтые, мутно-синие — бегут под потолком, висят толстыми пучками, штук по пятьдесят сразу, тяжелой массой тянутся вдоль стен на стеллажах. Просмоленные, массивные кабели лежат на полу и под металлической решеткой пола. Связки проводов то ныряют в квадратные отверстия и исчезают в много-метровой толще бетона, то снова выбегают, ложатся на стеллажи, бегут под потолком, собираются в пучки и рассыпаются на отдельные линии. Этот коридор — центральная нервная система физического института.

Вдоль коридора быстро идет группа людей. Впереди двое: сухонький старишок (это профессор Синцов) и высокий крепкий парень (Митя Гусев). За ними коренастый сорокалетний Васенька, взволнованные сотрудники.

Синцов выкрикивает что-то на ходу. Из дверей и бетонных проемов выскакивают люди. Навстречу Синцову бежит грузный седой человек — директор института Бутов.

— Павел Демьянович! — кричит Синцов. — Целуй меня. Поздравляй!

— Что ты натворил?

— Не хочешь — не надо...

— Что ты натворил?!

Синцов останавливается.

— Мы получили полностью ионизованную плазму — вот что я натворил! Пять лет я ждал этой минуты! — Он вновь стремительно идет.

Бутов идет рядом с ним.

— Что стряслось с реактором?

— А... Все равно новый строят...

— Что там было, я тебя спрашиваю?!

— Ну, что ты? Ну, что ты? Ну, было, ну, было, было, было!.. Победителей не судят! Я получил плазму — и все!.. Николай Иванович? С вас пол-литра. Лучше коньяком.

— Коньяк так коньяк...

Бутов останавливает Гусева.

— Митя! Что он там натворил?

— Он убил себя,— говорит Гусев.

Потрясенный Бутов хватает Гусева за руку, глядит на уходящего в глубь коридора Синцова.

— А, Семен Ильич? — доносится оттуда. — Я оказался прав!.. Танечка, пляшите! На нашей улице праздник!..

— Он что — стоял возле глазка? — спрашивает Бутов.

— Кажется...

— Кажется или стоял?! — кричит Бутов.

— Стоял,— говорит Гусев.

— Господи... А ты?

Гусев молча машет рукой и бежит догонять Синцова.

— Павел Демьянович, здравствуйте, — говорит, пробегая, Васенька.

— Подождите! Кто-нибудь толком объяснит мне, что там было?

— Реактор работал у красной черты, — задыхаясь, говорит Васенька. — Константин Иванович хотел получить плазму... Все добавлял... Увлекся... Не рассчитал, видно...

— Ну, ну, ну, ну?!

— Что — ну? Реактор, конечно, пошел в разгон...

— А Гусев где был?

— Не знаю...

Москва, вечер. Поток машин. Мокрый асфальт. Загородное шоссе. Аэропорт. Останавливается машина.

Из машины выходят двое: он полный, высокий, в мягкой шляпе, в широком, плотном пальто. Зовут его Илья Куликов. Ей лет двадцать шесть. Красивая, хорошо одета. Ее зовут Леля.

— Всегда неприятно,— говорит Куликов, поглядывая наверх, в черное небо.

— Что?

— Слышишь?

— Самолеты?

Она пожимает плечами. Свистящийвой реактивной машины уходит в далекую темноту.

— Привычная ассоциация,— говорит Куликов.— Авиация всегда идет где-то рядом с войной... Будьте любезны, где отмечают билеты на Новосибирск? Этот жест пальцем означает — там, в зале? Благодарю вас...

Они идут мимо застекленной галереи. Под голубым ядовитым светом дремлют одиночные пассажиры.

— И вообще противно думать,— добродушно продолжает Куликов,— что там, на той стороне планеты, пять-шесть человек решают... Хорошенькая,— вдруг замечает он. Это относится к проходящей мимо девушке.

Леля улыбается:

— Очень...

— О чём я говорил? Ах да, и... решают: жить мне или не жить, буду я сегодня ужинать или нет. Кстати, месяц назад я видел этих людей. Ничего особенного. Каждый из них глупее нас с тобой.

— Они ничего не решают, Илюша.

— Лелечка, дорогая, мы с тобой физики, мы знаем, что жидкость в сосуде можно нагреть до очень высокой температуры, если одновременно повышать давление. Но нельзя же делать это до бесконечности: любой сосуд взорвётся. Ты не находишь, что температура нашей планеты достигла, так сказать, критического уровня?..

Они выходят на перрон, подходят к ограде, стоят рядом, касаясь друг друга плечами. Гудят моторы. Проходят, улыбаясь и болтая, две молоденькие стюардессы. Ползет бензозаправщик в луче прожектора. В полутьме кажутся прозрачными огромные серебряные тела самолётов.

— Почему ты все время стараешься меня испугать? — спрашивает Леля.

— Атавизм, — серьезно отвечает Куликов. — Очевидно, в каменном веке настоящий мужчина должен был внушать ужас...

Между тем репродуктор объявляет над самой головой:

— Объявляется посадка в самолёт, следующий рейсом восемнадцатым по маршруту Москва — Новосибирск.

— Поправь шарф и застегнись, — говорит Леля.

— Короче: что я должен сказать Мите?

— Опять сначала! Объясни ему все. Скажи, что я сделала тебе предложение. Надеюсь, ты не потерял письмо?

— Кажется, здесь... Вот оно.

— Там все написано. Скажи ему, что я устала...

— Ладно, я возьму и скажу ему, что мы, так сказать, решили пожениться, скажу, что ты устала... Кстати, от чего это ты устала?

— Главным образом от него. И от тебя в частности.

— Вот что... Можно мне спросить тебя: что там у вас было с Митей? — спрашивает Куликов.

Леля поднимает на него глаза.

— Все было.

— Что «все»?

— Ну, не будь дураком.

— Так... Но от чего ты все-таки устала?

— Я устала от того, что это тяняться шесть лет. От того, что за эти годы он был в Москве четыре... нет, пять раз... Гостиница «Украина»... «Турист»... А то еще комната подруги, которая ушла в кино... А потом он исчезает. Согласись, что это может в конце концов осточертеть...

— Он любит тебя? — насупясь, спрашивает Куликов.

— Любит — не любит... Ну, какое это имеет значение? Мы с тобой решили пожениться...

— Да, в общем, решили, конечно...

— Ну, вот что, я полечу сама. Давай билет!.. — Она выхватывает билет, который Ку-

ликов держит в руке.— Не беспокойся, я сумею сказать ему все, что нужно. Давай сюда портфель!

— Не валяй дурака!

— Дай портфель! Что у тебя там?

— Пижама и бритва.

— Сойдет! — Она хватает портфель.

— Ну, перестань! Леля!

— Товарищ дежурный! Могу я лететь вместо гражданина Куликова?

— А гражданин Куликов не летит,— говорит дежурный, стоящий у выхода на летное поле.

— То есть как — не лечу?

— Полетите следующим рейсом.

— Почему это?

— Один пассажир лишний.

— А почему именно я лишний? Может быть, я самый нужный!

— Ваш билет куплен последним.

— Он полетит,— говорит Леля.

— Все ясно,— говорит Куликов.— Неожиданно выяснилось, что летит какая-то важная шишка.

— Скажи ему, кто ты,— говорит Леля.

— Это не имеет значения,— не поворачивая головы, замечает дежурный.

— Имеет.

К дежурному быстро подходит пожилой человек с чемоданчиком.

— Я не опоздал?

— Товарищ Покровский? Прошу к самолету!

— Профессор! — восклицает Куликов.— Так это по вашей милости?

— Кажется, Куликов? — Профессор протягивает ему руку.

— Какими судьбами? — спрашивает Куликов.

— Туда... В Новосибирске будет спецсамолет.

— Они вместе? — смягчаясь, спрашивает у Лели дежурный.

— Как видите...

Она отдает Куликову портфель и билет.

— Ладно. Все будет в порядке,— говорит Куликов, целуя Леле руку, и торопливо догоняет Покровского, который уже шагает к самолету среди беспорядочного стада пассажиров.

Леля смотрит им вслед.

— Илюша! — вдруг кричит она.

Куликов останавливается.

— Что еще!

— Подойди ко мне.

Куликов подходит к барьеру.

— Там какая-то неприятность,— говорит он.— Видишь! Правительственная комиссия, и Покровский, так сказать, с ними...

— Ближе,— говорит Леля.

Куликов вплотную придвигается к барьерау. Леля обнимает его через барьер и целует. Куликов стоит с портфелем в одной руке и билетом в другой.

— Ну, вот и все,— говорит Леля.— Иди!

Женская рука чертит на бумаге схему: реактор, крестик и под ним написано «Синцов», другой крестик подальше и под ним — «Гусев».

Между тем голос за кадром говорит:

— Ну что вы там чертите?.. Какой это имеет смысл? Ох, доктора, доктора!..

Сестра берет кровь у Синцова. Он в халате, надетом на голое тело. Рядом с ним стоит Гусев в таком же халате. Женщина-врач чертит за столиком схему.

Амбулаторная комната.

— Вы лучше подумайте, что мы с ним натворили,— продолжает Синцов. Он возбужден и даже как бы весел.— Мы получили полностью ионизованную плазму! А?.. Молчи! Это почти полдороги к управляемой реакции.

Кровь взята. Женщина-врач подходит к Синцову и распускает жгут.

— Рукав можно опустить? — спрашивает Синцов и встает.— Татьяна Абрамовна, вы понимаете, что такое управляемая термоядерная реакция?

— Я прошу вас лечь,— говорит женщина-врач.

Синцов начинает вышагивать по комнате:

— Почти полдороги, почти полдороги. Остальное — по его специальности. Кстати, он стоял не тут, а вот тут, а это большая разница! — Он тычет пальцем в чертеж.— Ладно, Митя, давай прикинем, что делать дальше...

Синцов садится к столику и отодвигает чертеж.

— Где карандаш?

— По-моему, сейчас не время,— угрюмо говорит Гусев.

— Чепуха! Самое время! Я в отличнейшей форме... Ну, где же карандаш?

— Я еще раз прошу вас лечь,— говорит женщина-врач.

Сестра готовит шприц для инъекции.

— Лягу, лягу! Видите? Уже сел! — Синцов находит на столе карандаш и придвигает стопку чистых бланков «Истории болезни». — Это не карандаш! Где мой?

— Вероятно, в вашем костюме.

— Принесите!.. Следи, Гусев... Поразмышляем.— Он пишет на «Истории болезни» какую-то формулу.— Начнем рассуждение, скажем, вот с чего... Татьяна Абрамовна, еще никто не облучался карандашом.

— Я прошу вас лечь,— повторяет женщина-врач, берет шприц у сестры и, поглядев на Синцова, добавляет: — Дуся, поищи там карандаш.

Душевая. Никого нет, но вода еще течет из двух душей. На кафельной стене висят пустые целлофановые мешки.

На столике лежат две пачки денег, два бумажника, двое ручных часов, два удостоверения личности, одни очки, толстый цанговый карандаш в металлической ручке.

Сестра берет карандаш.

Синцов, отрывисто бормоча, выводит какую-то формулу на бланке «Истории болезни».

— Следи, Гусев, следи,— приговаривает он.

— Этот? — спрашивает сестра, подавая карандаш.

— А! Совсем другое дело! Вот это карандаш! Это, брат, карандаш! — продолжая небратья формулы, говорит Синцов. — Это не просто хороший карандаш, это счастливый карандаш. Этим карандашом записаны самые мои удачные мысли... Если хочешь знать, Гусев, хорошие мысли редко приходят в голову. За всю мою жизнь я не насчитаю и трех дней, когда удавалось сообразить что-нибудь путное. Остальное доделывали ягодицы... Сюда нельзя, мы голые! — вдруг вскрикивает он.

В комнату врывается женщина в пальто, надетом прямо на кухонный фартук.

— Я говорила! — задыхаясь, кричит женщина. — Я всю жизнь говорила!.. Я знала... — Она стоит, опервшись спиной о медицинский шкафчик.

— А, это ты, — успокоившись, говорит Синцов. — Представь себе, мы получили плаズму... — Он снова принимается за свои формулы. — Следи, Гусев.

— Нет, Татьяна Абрамовна, бог меня за что-то покарал... Это невозможный человек! Это дикарь! Тысячу раз я его просила!

— Следи, Гусев, не обращай внимания...

— Я умоляла его: подумай, прежде чем делать! Не слушает! Только кричит! Я предупреждала его...

— Маша! — резко обрывает жену Синцов и встает. — Не устраивай базарных сцен! Ты видишь — я работаю. Мы поговорим дома...

Он осекается, вдруг сообразив, что эта привычная формула теперь лишена смысла.

— Мы еще успеем попрощаться. Посиди там, — уже мягко добавляет он.

— Как... Попрощаться?..

Татьяна Абрамовна быстро подходит к Синцовой и берет ее за руку. Они встречаются взглядами. Увидев глаза врача, Синцова пугается. Она хочет что-то спросить, но губы ее шевелятся беззвучно.

— Пойдемте, — говорит Татьяна Абрамовна и выводит Синцову в коридор.

... В коридоре много людей. Десятки глаз смотрят на женщин.

Бутов торопливо подходит к ним.

— Марья Тихоновна, голубушка, — говорит он Синцовой, — пройдите в мой кабинет, прилягте пока. Ксюша, проводи!

Санитарка в белом халате берет под руку вдруг ставшую покорной Синцову, ведет ее по коридору. Все молча глядят им вслед, потом разом поворачиваются к врачу.

— Ну, что там?

— Синцов — очень плохо... Боюсь, около тысячи рентген... Гусев много легче.

— Ах, какое несчастье! — говорит Бутов. — Вот несчастье так несчастье! И надо же, чтобы как раз в нашем институте! — махнув рукой и отходя, добавляет он.

Татьяна Абрамовна входит в амбулаторную комнату, останавливается.

— Черт, странная смерть, — говорит Синцов. — Невидимо, неслышимо, ни запаха, ни цвета, ничего! Вот — все здоровое: руки, ноги, грудь... И голова эта дурацкая! — Он

злобно шлепает себя по лысине.— Жалко!
А, Гусев?

— Я прошу вас лечь! — резко говорит Татьяна Абрамовна.

— Ладно, ложусь.

Синцов укладывается на диван.

— Дай все-таки бумагу и карандаш... Да, а где Бутов? Времени нуль, а директора нет!

— Здесь я, здесь,— как бы спокойно и как бы даже благодушно говорит Бутов, входя в комнату.— Что ты кричишь? Это я должен кричать... Ох, с каким наслаждением я бы тебя...

— Нужно форсировать монтаж новой установки,— перебивает его Синцов.— Гусев знает...

— Гусев ляжет в клинику,— говорит Татьяна Абрамовна.

— С чего это вдруг? Он же был у черта на куличках?

— Там всюду хватало.

— Словом, без медиков я его к работе не допущу,— говорит Бутов, подходя к Синцову.

— Веселенькая история,— бурчит Гусев.

— А что, если назначить пока Терещенку? — спрашивает Бутов.

Синцов молчит.

— Или выдвинуть Васеньку?

Синцов молчит. Это так непривычно, что Бутов и Гусев тревожно переглядываются.

Подходят Татьяна Абрамовна, сестра.

— Может, ты хочешь, чтобы пришла Марья Тихоновна? — спрашивает Бутов.

— Где она? — тихо обращается к Бутову Гусев.

— У меня в кабинете.

— Надо ее позвать...

— Митя! Поди сюда,— вдруг громко говорит Синцов.— Вот что... Брось-ка ты это все к чертовой матери! Лови рыбу, собирая грибы, женись на красивой женщине. А то поздно будет... Где Маша?

— Здесь.

— Пусть ее приведут.

Пасмурное утро.

Аэродром городка. Самолет.

По трапу сбегает Куликов. Появляется Покровский.

Куликов бежит прямо по лужам. Навстречу ему — санитары с носилками. Человек накрыт одеялом. Придерживаясь за носилки рукой, идет Синцова.

Куликов останавливается.

— Здравствуйте,— говорит он, с трудом переводя дыхание.

Синцова смотрит на него непонимающими глазами.

За первыми носилками следуют вторые. На них лежит Гусев. Увидев Куликова, он приподнимается, сердито кричит:

— Вот история, а? Кошмар!

— Я все знаю,— говорит Куликов и идет рядом.

Движется к самолету группа людей во главе с Бутовым.

— Ты видел в Москве Лелю? — спрашивает Гусев.

— Видел.

Гусев привстает на носилках.

— Минуточку! — кричит он санитарам и соскаивает на землю.

Татьяна Абрамовна бежит к Гусеву.

— Оставьте меня в покое! — кричит он. Она останавливается.

Гусев и Куликов продолжают свой путь к самолету. Санитары с пустыми носилками идут следом.

— Леля не говорила тебе, она не собиралась сюда?

— Не знаю... Ты лучше думай сейчас о себе.

— Чепуха! Я чувствую себя великолепно!

Они подходят к самолету. Носилки с Синцовым уже подняты наверх.

У трапа стоят несколько человек. Покровский подходит к Гусеву.

— Разрешите, я помогу.— Он берет его под руку.

— Я совершенно здоров!

Гусев освобождает руку, легко взбегает по трапу, останавливается на площадке. И вдруг, покачнувшись, падает.

К нему бросаются со всех сторон.

ВТОРОЙ ДЕНЬ

Москва. У входа в клинику на ступенях сидит мальчишка. Около него ведро с осенними цветами. Куликов с портфелем в руке, с букетом цветов под мышкой торопливо поднимается по ступеням.

Он входит в вестибюль клиники. Вечер. Сотрудники уже расходятся, толпятся у гардероба. Поминутно хлопает дверь.

Леля сидит на скамейке с точно таким же букетом цветов.

Куликов плюхается рядом, отдает Леле букет, кидает на скамейку свой портфель, снимает шляпу и вытирает лоб.

— Слава богу, застал,— благодушно говорит он.

— Я здесь с трех часов,— холодно говорит Леля.

— А где же Митя?

— Вот именно, а где же Митя?

— Нянечка! — вставая, окликает Куликов санитарку.— Где больной Гусев?

— Гусев давно выписался...

— Держу пари, он болтает с нянечками,— говорит Леля.

Куликов возвращается к скамейке.

— Ну, у меня нет времени ждать,— решительно заявляет он.— Я должен быть на теоретической конференции. Передай ему привет и скажи, что мы, так сказать, скоро увидимся.

— Вы не увидитесь. Он вылетает в пять утра.

— Тогда пожелай ему счастливой дороги.

— Илюша, ты никуда не уйдешь! Мы должны сегодня же поговорить втроем.

— Почему именно втроем?

— Потому что надо наконец решить.

— Перескажи ему содержание своего письма — и все.

— А ты?

Куликов садится рядом с Лелей.

— Послушай, мне необходимо быть на этой конференции. Стоит доклад Цительма-

на. Я должен задать ему всего два вопроса — коротких, вежливых. Цительман поднимет брови, потом побагровеет, потом побледнеет, потом все переглянутся — и все: доклада не было, Цительмана нет!.. Я просто не могу не сделать этого!

— Трус!

— Ну почему я трус?

Леля молча пожимает плечами.

— Ну, послушай, я же летел туда, так сказать, в нелетную погоду, вез твое письмо...

— Но ты его не отдал! Я знала, что ты его не отдашь, и ты его не отдал.

— Прекрасно, я остаюсь, — сердито говорит Куликов и решительно направляется к проходящей санитарке. — Нянечка! Где там больной Гусев? Его ждут!

— Пошел к профессору, — не останавливаясь, отвечает санитарка.

Гусев и профессор Покровский идут вдоль клеток с собаками. Это полуподвал.

Около одной из клеток Покровский останавливается. Собака просовывает морду между прутьями, виляет хвостом.

— Этого пса зовут Джек, — говорит Покровский. — Можете приласкать его, он некусается.

Гусев, присев на корточки, гладит собаку.

— А потом вы подпишете мне допуск к работе?

— Джек болен лучевой болезнью, — продолжает Покровский. — Он получил около восьмисот рентген.

— А почему он так оптимистично виляет хвостом?

— Это особый случай: ему сделана подсадка селезенки, пересажен костный мозг здоровой собаки.

Покровский отдергивает занавеску, которой закрыта соседняя клетка.

Лежащая в ней собака даже не поднимает головы.

— Вот контрольная. Она погибнет наверняка.

— Ну, судя по Джеку, выход все-таки есть?

— Для собак. Пока оперируем только собак, да и то с переменным успехом... Слушайте, Гусев, скажите честно: сколько вы получили рентген?

— Двести. Это записано в истории болезни.

— А раньше не случалось?

— Нет.

— Ой, врете! Чувствую я...

— Никогда не доверяйте чувствам, если вы ученый...

— Эх, не могу я вас схватить за руку...

— А зачем вам хватать меня за руку?

— Вот что, больной Гусев, — очень серьезно говорит Покровский, — вы думаете, ваша модель это? — Он показывает на Джека. — Вот!

Покровский показывает на умирающую собаку.

— Еще одно облучение — и конец!

— Профессор, это грубо сравнивать меня с собакой, — ухмыляясь, говорит Гусев.

— Лучше быть грубым сейчас...

— Ну, ничего, мы еще повиляем хвостиком! Верно, Джек?..

— Послушайте, Гусев, вы можете работать еще много лет... Но при одном условии: никакого риска, никаких нейтронов...

— Дорогой профессор, вы оптимист! Чтобы облучиться нейтронами, нужно их прежде всего иметь.

— А разве их нет?

— У нас в термоядерщине? Пока даже не пахнет. Реакция-то не получается.

— Но она получится?

— Если она получится, об этом сразу узнает весь мир. И вы в первую очередь.

— А как же вы попали ко мне?

— Как кур во щи. Это реактор Синцова, а не моя установка. Кстати, этого реактора уже нет. Короче: подписываете?

— Давайте. Но предупреждаю вас: не вздумайте возвращаться сюда. Помочь уже не смогу.

— Не вернусь, вот моя рука!.. Прощай, Джек.

Мрачный Куликов все еще шагает по вестибюлю.

— Вот сейчас Цительман подводит марк-системскую базу,— говорит он, проходя мимо Лели.— Через несколько минут он доберется до античастич...

Он вновь шагает, возвращается, подходит к Леле:

— Цительман приступает к античастичам... А меня там нет!

— Сейчас я встану, заплачу и уйду,— говорит Леля.

— Это я заплачу, а не ты!

— Товарищ Куликов? — говорит подошедший Покровский.— Что вы тут делаете?

— Жду Гусева,— сердито сопя, отвечает Куликов.

— Агриппина Ивановна! — кричит Покровский санитарке.— Где Гусев?

— Он там рассказывает нянечкам «Три мушкетера».

— Это конец! — Леля встает. Кажется, она и в самом деле готова заплакать.— Идем, Илюша.— Она бросает в урну оба букета.

— Вот и я! — раздается голос Гусева.

Безмятежный Гусев спускается по лестнице.

— Вы что — вдвоем? А почему вы вдвоем?.. Интересно!.. А отчего вы такие мрачные?

— Я тут трех часов дня,— говорит Леля.

— Неужели? Прости, я не знал.

— Ты знал.

— Ну, допустим, знал... Ребята, у меня самолет в пять утра. Раз уж мы вместе, давайте предпримем что-нибудь выдающееся.

— Например? — спрашивает Леля.

— Есть гениальное предложение! — торопливо вмешивается Илья.— Сейчас, в эту минуту, происходит, так сказать, теоретическая конференция...

— О господи! — стонет Леля.

— ...Цительман делает доклад об античастичах! Мы хватаем такси, едем туда — и я гарантирую незабываемое зрелище!

— Никаких зреши,— говорит Гусев.— Я элементарно хочу жрать. Между нами говоря, меня уже с двенадцати часов сняли с довольствия.

Ресторан.

Леля, Гусев и Куликов сидят за столиком. Перед ними только тарелки и хлеб. Они тщетно пытаются дозваться официанта.

— Товарищ! Подойдите к нам!

— Сию минуту!..

— Ну, подойдите же!..

— Товарищ!

— Мы сидим уже сорок минут!..

— Нет, это черт знает что! — говорит Куликов.— Ненавижу московские рестораны! Если бы вы знали, как меня кормили в каком-то занюханном Танжере!.. Передай мне соль, я буду есть черный хлеб...

— Илья, ты не в Африке,— спокойно замечает Гусев, встает и идет через зал.

Он подходит к солидному мужчине в смокинге, наклоняется к самому его уху:

— Вы тут мэтр?

— В чем дело?

— Вот тот гость, видите? — таинственно говорит Гусев.— Нервный... Уже прибор ест. Между прочим, четырежды лауреат, доктор академических наук, уезжают в Танжер. Эта дама их сопровождают. Специально!.. Заказывать не буду. Сообразите сами. На троих. Обслужите лично. Быстро, но не торопясь...

— Слушаю-с...

Пока Митя инструктирует мэтра, у Куликова с Лелей свой разговор.

— По-моему, здесь не место для таких объяснений,— мрачно говорит Куликов, жуя хлеб.

— Другого места не будет, Илюша.

— Кругом люди!

— Наплевать!

— Сейчас все будет в порядке,— объявляет, подходя, Гусев.— Вы о чём тут шептались, а? — неожиданно спрашивает он.

Куликов багрово краснеет.

Его выручает мэтр, который появляется в сопровождении двух официантов. Молниеносно меняются скатерть, приборы. Официанты ставят закуски, бутылки.

— Ну, что вас так мучает? — спрашивает Гусев.

— Нет, ничего,— торопливо говорит Куликов.

— Вы хотите мне что-то сказать?

— Да, нам нужно поговорить,— заявляет Леля.

— Что ж, я слушаю.— Гусев кладет руки на стол.— Ну, говорите.

Официанты продолжают хлопотать у стола, Леля и Куликов молчат.

— Ну?.. — спрашивает Гусев.

Илья показывает глазами на официанта. Тот разливает по рюмкам коньяк.

— Спасибо, мы сами,— говорит Гусев и ставит бутылку на стол. Официант отходит.

— Вот что, Митенька... — тихо начинает Леля, но тут Куликов вдруг резко поворачивается.

— Смотрите, Цительман!.. Вот видишь, к чему это привело?! Он пришел отпраздновать успех со своими кретинами! Нет, я должен испортить им настроение!..

И, шумно отодвинув стул, Куликов исчезает.

— Баба,— негромко говорит Леля.

Гусев не рассыпал:

— Что, что?

— Нет, ничего...

Помолчали.

— Здравствуй, Гусев,— говорит Леля.

— Здравствуй.

Гусев рассматривает рюмку.

— Выпьем, что ли?

— Выпьем...

— Твое здоровье... Ну, о чём вы хотели говорить?

— Как ты живешь? — помолчав, спрашивает Леля.

— Отлично!.. Так о чём же?

— Ты вспоминал обо мне?

— А это важно?

— Важно...

— Так о чём вы хотели говорить?

— Ты не ответил.

— Нет, не вспоминал.

Леля внимательно смотрит на Гусева.

— А теперь вспомнил?

— Нет. Сижу, смотрю — чужая... — говорит Гусев.

— Вот как?

— Да. Чужая... Тебя это беспокоит?

— Все-таки обидно.

— Переживешь.

— Попытаюсь, конечно... А ты?

Митя пожимает плечами.

— Посмотри мне в глаза,— говорит Леля. Гусев поднимает голову. Она берет его за руку.

— Сейчас ты заплачешь,— говорит она.

— Пусти!..

Он резко отнимает руку.

И тут возвращается Куликов.

— Вы уже пьете? Это свинство!

Он шумно усаживается за стол.

— Ну, что твой Цительман? — спокойно спрашивает Леля.

— Представь себе, провалился! — Куликов обходит стол и садится.— Ужасно неприятный случай. Я его утешал как мог...

Митя вдруг встает.

— Ты куда? — спрашивает Куликов.

— Пойду вымою руки.

— Значит, ты ему сказала? — проводив Митю глазами, тревожно спрашивает Илья.

— А что я должна была сказать?

— Как — что? Что мы, так сказать, решили пожениться.

— Когда?.. Что-то не припоминаю.

— Ладно! — добродушно говорит Илья.— Меня этим не возьмешь! Я уже привык к твоим вывертам.

— Тебе виднее...

— Постой, постой!.. А что, собственно говоря, случилось?

— Опять вы шепчетесь,— говорит, подходя к столику, Гусев и садится.— Налей мне коньяку!

Куликов наливает рюмку.

— Значит, летишь?
— Лечу.
— В свою номерную дыру?
— Именно.
— Слушай, Митя, у меня есть к тебе, так сказать, деловое предложение: переходи ко мне.
— Нет. Мне нужно закончить то, что мы делали с Синцовым,— говорит Гусев.
— Что такое — нужно?
— Не понимаю.
— Ну, кому это нужно?
— Человечеству, и отстань,— говорит Гусев.
— А зачем это нужно твоему человечеству? У человечества всего хватает. Человек достиг такого, так сказать, совершенства, что может истребить все живущее на земле за двадцать минут.
— Что ты юродствуешь, Илья? Ты же отлично знаешь, над чем мы работаем. Это не имеет никакого отношения к войне.
— Митенька, друг ты мой, это же невозможно будет сохранить в пределах одной страны. Это же станет известно всему миру.
— Ну и что?
— Наука создала совершеннейшую химию — немцы сделали ядовитые газы. Появился двигатель внутреннего сгорания — англичане сделали танки. Была открыта цепная реакция — американцы сбросили бомбу на Хиросиму... Тебя это не наводит на размышления?

— А ты посмотри с другой стороны,— говорит Гусев.— Чтобы люди могли жить

по-человечески, им нужна энергия. Энергия — это все. Если мы овладеем управляемой термоядерной реакцией, мы сможем дать хоть по тысяче киловатт на человека, хоть по десять тысяч! Это свет, это тепло, это пища, это транспорт, это климат, это богатство. Наконец, это коммунизм! Стоит овчинка выделки?

— Звучит заманчиво,— говорит Илья.— Но боюсь, Митенька, что человечество просто не успеет воспользоваться твоим благодеянием...

— Чепуха!

— Постой, постой, постой, постой,— говорит Илья.— Все это не так-то просто. Ты что, Митя, полагаешься так сказать, на разум?

— Вот именно.

— Митенька, неужели ты серьезно думаешь, что человек стал умнее за последние тридцать тысяч лет? Да нисколько! И мозг у нас, так сказать, не увеличился, и извилин не стало больше. Тот, кто изобрел колесо, был гениален, как Эйнштейн. Тот, кто первым выплавил бронзу, был талантливее открывателя квантовой механики...

Леля смотрит на Илью и думает:

«Господи, до чего они оба умные, просто тошнит... Интересно, где он остановится?..»

— Вспомни портрет фараона Эхнатона,— говорит Илья.— Он жил четыре тысячи лет тому назад. Или царицу Нефертити. Какие тонкие, интеллигентные, одухотворенные лица!.. Теперь посмотри вокруг... Неандертальцы... Смотри, смотри! Вон, вон, вон, туда,

туда... Полюбуйся! Там, кажется, датчане... А это наши... А вот американцы... Посмотри на этого австралопитека...

— Чего изволите?

— Нет, нет, ничего... Но фараон Эхнатон мог уничтожить максимум пять тысяч человек. Ну, десять! А современным питекантропам уже мало пяти миллионов от одной бомбы. Уже рассчитан в долларах экономический эффект на каждую уничтоженную человеко-единицу.

...Опять мы близко видим Леля и слышим то, что она думает:

«Он любит меня. Он все еще любит меня... Я это чувствовала, теперь я это вижу... Митя, посмотри в мою сторону!.. Не хочет... А Илья посмотрит? Илюша, посмотри на меня...»

— И, кроме того, никакому Чингис-хану не могли прийти в голову лагеря смерти и газовые камеры,— говорит Илья, быстро оглядываясь на Леля и снова обращаясь к Гусеву.— Он бы не додумался, что можно удобрять поля пеплом миллионов людей, набивать матрацы женскими волосами и делать абажуры из человеческой кожи...

— Гляжу я на тебя, Илья, и завидую,— серьезно говорит Гусев.— Нужно быть очень благополучным человеком, чтобы позволить себе роскошь так мрачно смотреть на мир. Должно быть, хороши у тебя дела!.. Что вы опять переглядываетесь? Ох, Илюха, у нас в поселке был обычай: три раза прошелся с девкой — женись! Как бы тебя тут не окрутили...

— Всегда ты шутишь как-то... нелепо,— сердито сопя, говорит Куликов.— Пойдем отсюда.

— Нет, я прежде поем. Давайте горячее!

Ночная улица Горького. Леля, Гусев и Куликов стоят около освещенной витрины. За ними громоздятся горы снеди, пирамиды консервных банок. Магазин уже закрыт. В зеркальном стекле витрины течет прозрачная толпа прохожих.

Проходит, отражаясь в витрине, стайка девушек. За ними — молодые люди в джинсах.

— Тоже, брат, человечество идет,— говорит Илья.— На лицах много написано, но еще больше на брюках...

— А девушки ничего,— замечает Гусев.

— Те девушки,— говорит Леля.

— Брось!

— Пари?

— На что?

— На что хочешь.

— Леля, перестань! Неудобно,— говорит Илья.

Но Леля не обращает на него внимания:

— Простите, девушка, можно вас на минутку?

— Да?

— Вы очень заняты?

— А что?

— Да вот их двое, а я одна.

— Я с подругой.

— Не вышло! — торопливо вмешивается красный от смущения Куликов.

— Вот что, друзья,— говорит Митя.—
Махнула я на аэродром. Время позднее.
Давайте прощаться.

Леля берет Гусева под руку.

— Нет, мне нужно с тобой поговорить.

— А разве не поговорили?

— Нет.

— Я замерз, Лелечка. Да и говорить-то
вроде не о чем. Сказано больше, чем тре-
буется.

— И все-таки нужно.

— Ну, мне холодно! — говорит Гусев.—
Ну, я сегодня из больницы...

— А помнишь, Гусев, как мы в свое вре-
мя отогревались на переговорной?

— Было дело...

— Илюша, подожди нас!

Переговорная Центрального телеграфа.
Ряды кабин. Голоса, шаги, объявления по
радио.

Аппарат медленно проплывает мимо ка-
бин, мимо беззвучно кричащих, смеющихся,
плачущих, скучных или крайне удивленных
людей,— и находит на круглой скамейке Гу-
сева и Леля.

Чем ближе мы к ним подъезжаем, тем
тише становится гул переговорной. Мы слы-
шим, о чем они говорят.

— ...Насколько я понимаю, тебе нужен был
этот разговор, чтобы очистить совесть? — гово-
рит Гусев.— Считай, что твоя совесть чиста.

— А твоя? — не глядя на Гусева, спра-
шивавшего Леля.

— Он прекрасный физик, будет выдаю-
щимся теоретиком, отличный человек. Чест-
ный. Покладистый. Добрый. Очень добрый...

— А ты? — говорит Леля и смотрит Гу-
севу прямо в глаза.— Все-таки у нас есть
что вспомнить...

— А я все равно не женился бы на тебе.

— Почему?

— Не женился бы — и все. Не важно по-
чему.

— Ты говоришь так, чтобы побольнее
обидеть меня?

Гусев пожимает плечами:

— За что же тебя обижать?

— Тогда почему?

— Все, — решительно заявляет Гусев и
встает.— Пошли!

— Садись! Я хочу знать...

Гусев садится.

— Поверь, девочка, что ты тут ни при
чем, — говорит он.— Даю тебе честное слово.
Достаточно?

— Нет, не достаточно.

Гусев сидит, уставившись в пол.

— Хорошо, — говорит он вдруг.— Когда
мы с тобой познакомились?

— В пятьдесят четвертом году. Ты руко-
водил нашей практикой.

— Ну, так вот. Лет за семь до этого был
со мной такой случай. Нужно было установ-
ить критическую массу жидкого урана...
Это было в те девственные времена, когда
все делалось голыми руками, на чистом эн-
тузиазме... Энтузиазма у меня было более
чем достаточно, а что касается ума...

— Митяка!.. — вскрикивает Леля.

— Я даже не знаю, сколько тогда схватил рентгенов. Но я был здоров как бык...

— Боже мой,— говорит Леля.— Значит, это уже второй раз?

— Никто об этом не знает,— говорит Гусев.— И не должен знать.

И снова возникает гул переговорной: голоса, голоса, объявления по радио.

Снова камера проходит через зал, мимо кабин, где за толстыми стеклами беззвучно волнуются или радуются люди, мимо кресел, где спят,— и находит в дверях зала Куликова.

Он старается разыскать глазами Гусева и Лелю. Вот он увидел их. Отступает назад. Тревожно смотрит.

Они молчат.

— Гусев,— говорит наконец Леля.

— Ну, я Гусев.

— Признайся, что ты все это сейчас придумал.

— Я все это сейчас придумал.

— Ох, как это глупо!

— Ну, что ты меня отпеваешь? — вдруг сердито говорит Гусев.— На этот раз обошлось.

— Сотня случайных рентгенов — и все,— говорит Леля.

— Весь фокус в том, чтобы их не схватить.

— С твоим характером?

— Синцов сделал свое дело, я должен сделать свое. Мне нужен год.

— А дальше?

— Дальше я не хочу думать.

— Нелепость!..

— Не хочу... — повторяет он.

Леля молчит. Глядит на Гусева. Потом отворачивается. Опять глядит.

— Слушай, Гусев,— говорит наконец она.— Тебе будет легче, если этот год я буду рядом с тобой?

— Нет, это излишняя роскошь,— сразу отвечает Гусев, как будто он ждал этого вопроса.

— Но ведь тебе нужна какая-то женщина,— спокойно говорит Леля.— А я лучше других. Во всяком случае, для тебя.

— Ты пожалеешь на следующий же день.

— Это не твое дело.

— Отлично,— говорит Гусев.— Будем считать, что я высоко оценил твой благородный жест, что меня взволновал этот душевный порыв.— Он встает.— Уже без четверти три, и будь здорова.

— Однако ты хам,— говорит Леля.

И тут к скамейке подходит Куликов.

— Товарищи, я хочу спать! — сердито заявляет он.

— А мы договорились обо всем.— Леля тоже встает.— Я выхожу за него замуж. Я лечу вместе с ним.

— Ты что, шутишь? — Опешив, спрашивает Куликов. Он смотрит на Лелю, потом на Митю и понимает все.— Да нет,— говорит он.— Это мало похоже на шутку... Да нет, это всерьез!.. Ну, одно могу обещать тебе, Митенька, с ней ты не соскучишься!

ТРЕТИЙ ДЕНЬ

Четыре молодых научных работника, склонившись друг к другу вплотную, поют грузинскую песню. Пятый отсчитывает ритм указательным пальцем на затылке одного из поющих.

Свадьба в разгаре. Небольшой ресторан Дома ученых полон. Гости сидят и за традиционным длинным столом, и за отдельными столиками вдоль стены, и у маленькой стойки бара. В соседнем зале уже танцуют. Смех, музыка, веселые голоса. Хлопанье пробок шампанского.

Сияющие Митя и Леля, как положено, во главе длинного стола.

— Ужасно глупое ощущение: сидеть невестой на собственной свадьбе,— говорит Леля на ухо Мите.

— Еще не поздно дать задний ход.

— Попробуй!

Митя встает.

— Товарищи! Мы вовсе не женимся,— громко объявляет он.— Мы вас разыграли. Стоимость ужина будет вычтена из зарплаты.

— Не смешно! — кричит сосед Гусева.

Аппарат поплыл вдоль стола.

Дама передает блюдо пожилому ученому.

— Нет, ничего этого мне нельзя,— говорит он.— Только молочнокислая пища...

— Ты посмотри на невесту! — шепчет соседу молодой аспирант.— Прелестное создание!

— Она не создание, она — физик,— говорит сосед.

— Что-то не верится,— говорит следующий.

— Зря Василий Васильевич женился на молоденкой,— говорит пожилой научный работник.— Вы посмотрите, как вьется около нее этот Орлов.

— Кай Юлий Цезарь сказал: «Лучше есть цыпленка в компании, чем старую курицу в одиночестве».

— Тыфу! Как вам нестыдно!

— А чем занимается Гусев? — спрашивает пышущая здоровьем дама своего седого и представительного соседа справа.

— Соединение управляемых реакций синтеза и распада.

— Понимаю,— говорит дама.

Сосед слева, столь же седой и столь же представительный, смотрит на даму.

— Нет, вы, пожалуй, не понимаете,— вежливо говорит он.— Вы представляете себе, что такая водородная бомба?

— Представляю.

— Ну, так Гусев хочет взять эту энергию в руки и заставить ее работать,— сухо говорит сосед справа.

— Бомбу?

— Не совсем,— мягко улыбаясь, говорит сосед слева.— Есть такой дейтерий. Слыхали?

— Слыхала, конечно.

— Ну, что это такое? — строго спрашивает сосед справа.

— Как бы вам объяснить,— говорит дама, робко косясь на него.

— Грубо говоря, это тяжелая вода,— де-

ликатно замечает сосед слева.—Она содер-
жится в любой жидкости...

— Вот в этом стакане нарзана около три-
дцати миллиграммов дейтерия,—резко пре-
рывает сосед справа.

— Нет, нет, можете пить, это не ядови-
то...—успокаивает сосед слева.

— Товарищи!—громко говорит, вставая,
тощий блондин.—Я прошу тишины!

— Тихо, тихо!—поддерживают его сидя-
щие на ступеньках.—Тут особенный тост!..

Наступает относительная тишина.

— Товарищи!—начинает свой тост вы-
сокий блондин.—Эта свадьба является вы-
дающимся событием для нашего Дома уче-
ных и для всего нашего города, которого
почему-то нет на карте. Я хочу выпить не за
Митю лично, даже не за его успех, я хочу
выпить за одну гениальную деталь, которую
он ввел в свою установку...

Сидящий рядом с оратором человек с ни-
чем не примечательным лицом заметно ожив-
ляется.

— ...Ограниченнное время тоста не позво-
ляет мне подробно изложить конструкцию
этой детали,—ухмыляясь, продолжает блон-
дин,—но я попытаюсь вкратце схватить са-
мую суть...

— Не нужно хватать суть,—не поднимая
глаз, говорит человек с ничем не примеча-
тельный лицом.—Особенно выпивши.

Смех.

— Хорошо,—соглашается блондин.—Тог-
да разрешите мне остановиться на том эф-
фекте...

— Не нужно останавливаться на эффекте.

— Тогда, может быть, вы скажете за
меня?

— Скажу. Заздоровье жениха и невесты!

— Прекрасный тост! Очень оригинально!
Смех, аплодисменты.

Вновь аппарат выхватывает отдельные
пары.

— В том количестве жидкости, которое
поглощено на этой свадьбе, не менее пяти
грамм дейтерия,—попрежнему сухо говорит
даме сосед справа.

— Это достаточно, чтобы отоплять, осве-
щать и снабжать электроэнергией весь наш
городок вместе с институтом недели две,—
говорит сосед слева.

— Как это просто!—восклицает дама,
взволнованная вниманием представительных
соседей.

— Совсем просто,—усмехаясь, говорит
сосед справа.

— Как дважды два,—говорит сосед
слева.

Оба откидываются на спинки стульев и
обминаются за спиной дамы выразитель-
ными взглядами.

— Друзья!—говорит, вставая, красивый
докторант лет тридцати.—Я рискну еще на
минуту задержать ваше внимание... Вот пе-
ред нами сидит наш типичный молодой уче-
ний, простой советский человек...

— Со своей простой советской невестой,—
подсказывают ему.

— ...А между тем проблема, над которой
работает наш дорогой Дмитрий Алексеевич,

это не только гигантские энергетические перспективы... Да не волнуйтесь вы! — вдруг обращается оратор к человеку с ничем не примечательным лицом.— Я ничего такого не скажу! Сидите и ешьте ваш винегрет!.. Эта проблема выходит далеко за рамки чисто экономических или промышленных... Да ешьте ваш винегрет, я вам говорю!.. То, над чем работает Дмитрий Алексеевич, если хотите знать, приближает осуществление вековечной мечты человечества!.. Вот видите? Ну, чего вы волновались?.. И, может быть, еще наш современник вырвется за пределы солнечной системы и устремится в глубины Галактики...

— А зачем ему вырываться за пределы солнечной системы? — добродушно говорит Гусев.— Что он потерял в глубинах Галактики?

— Шутишь? — Опешив, спрашивает оратор.

— Отнюдь. Я восхищен нашими космонавтами, сам с радостью слетал бы на Венеру. Но Галактика?..

— Ты не понимаешь, зачем человечеству нужно вырваться за пределы солнечной системы?

— Не понимаю.

— И я не понимаю, — говорит кто-то пошедшй сбоку.

— Ну, это уже просто узость мышления! — Оратор сердито ставит бокал на стол и садится.— Я и пить не буду.

— Это не узость мышления, молодой человек, а трезвость мышления, — замечает

желчный, сухощавый физик в очках — Николай Иванович.

— А я поддерживаю Валерия Ивановича! — вся вспыхнув, говорит молоденькая сотрудница.— Ну, что там какая-то Венера? Именно Галактика! Невозможно же с утра до ночи только подсчитывать эти проклятые трэки!

— Браво, браво!..

— Размер нашей Галактики — сто тысяч световых лет, — хладнокровно замечает желчный физик.— Скажите, Валерий Иванович, как глубоко вы предполагаете туда забраться?

— Ну, скажем, для начала на пятьсот световых лет.

— Совсем немного, — подхватывает кто-то сбоку.— Краешек, так сказать...

— Отлично, — говорит желчный физик.— С какой скоростью?

— Разумеется, близкой к скорости света.

... — Митя, можно мне на минуточку выйти из-за стола? — вдруг спрашивает Леля, нагнувшись к самому Митиному уху.

— С ума сошла!

— Ну, мне нужно...

— Терпи!

— Митя, я незаметно...

— Терпи!..

— Сейчас мы подсчитаем, — говорит, продолжая спор, желчный физик.— Будьте любезны, передайте мне вон ту бумажную салфеточку... Подсчитаем, сколько вам понадобится горючего.

Николай Иванович начинает вычислять что-то на салфетке,

Спорщики с интересом ждут результата.
Подходят еще двое.

— Простите, я что-то не понимаю,— говорит пышущая здоровьем дама своему соседу.— Пятьсот световых лет туда да пятьсот обратно — это сколько же лет пройдет?

— На Земле, разумеется, свыше тысячи лет, а в ракете, очевидно, лет шестьдесят или восемьдесят.

— Они вылетят юношами, а вернутся старцами через тысячу лет.

— Ну, разве это не захватывающая перспектива?

— Сматря для кого...

От стойки отходят аспиранты:

— Мы за Галактику! — заявляет один из них.— Чем дальше, тем лучше!..

Твердо держась на ногах, они направляются в танцевальный зал.

...Веселый Гусев пробирается между парами. Леля танцует с тем молодым научным сотрудником, который говорил, что она слишком красива для физика. Заметив Гусева, он немедленно передает ему даму.

— Ну, как тебе? — спрашивает Гусев.

— Хорошо!

Они стоят среди танцующих. Им улыбаются со всех сторон.

— Что ты меня так рассматриваешь?

— Все-таки собственная жена.

— Ничего?

— Бывает лучше.

Она смеется.

— Это удобно, что мы оба ушли из-за стола?

— Они там спорят о полетах в Галактику...
Стол. Общее веселье.

— А чем они будут пытаться? Вашей хлореллой? — кричит один из противников Галактики.

— Пища впрыскивается в рот при помощи особого аппарата...

— Если они вернутся через тысячу лет, из какого расчета им будут платить суточные?

— Ну, как не стыдно?!

— Но ведь он собирается разогнать их до скорости света!

— Если разогнать их до скорости света, они превратятся в элементарные частицы.

— Два молодца летали восемьдесят лет,— задумчиво говорит один из противников.— Не мылись, не брились, питались из клизмы, последние сорок лет не разговаривали друг с другом, прилетели и сообщили, что там ни хрена нет...

— Простите, это уже просто глупо. Даже для свадьбы.

— Николай Иванович, вы закончили ваши подсчеты?

— Так точно,— говорит желчный физик и снимает очки.— Вот извольте: при весе космического корабля в сто тысяч тонн, при скорости, близкой к скорости света, для облета части Галактики в разумный для человеческой жизни срок потребуется десять в двадцать второй степени тонн самого современного экстрагорючего. Справка: наша планета весит несколько меньше.

На секунду наступает молчание. Этого не ожидали даже противники полетов.

— Счастливого пути,— добавляет желчный физик, складывая салфетку.

Но сторонник полетов не сдается:

— Когда Циолковский проектировал свою ракету, в ресторане «Яр» сидели ученые скептики вроде вас и на салфеточках доказывали, что он сумасшедший. Однако летаем?

— Летаем, но не в Галактику.

— А меня интересует земной вопрос,— говорит молодой, но уже плешикий кандидат наук.— Замужем ли Ларионова и за кем?

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ

В этот день не случилось ничего примечательного. Мы выбрали его только потому, что он был как две капли воды похож на множество других дней.

Зима. Идет снег.

Городок весь в снегу.

Леля не спит. Она рассматривает свои руки. Когда аппарат наезжает до крупного плана, мы слышим ее мысли. Она думает:

«Надо встать и приготовить ему завтрак. И зачем только люди едят... Нет, просто я плохая жена... Надо каждое утро говорить себе семь раз: я плохая жена, я плохая жена, я плохая жена...»

— Я плохая жена,— говорит она громко.

Митя неразборчиво мычит.

— Митя, ты не спишь?.. Спит... Ладно, встаю...

Она встает, одевается. Мы видим ее не всю... Вот нога, плечо, руки, волосы, бретельки, чулок, закинутая рука. Но мысли ее слышны нам:

«Что же ему приготовить? — думает она.— Яичницу он терпеть не может, сосиски я забыла купить... Я плохая жена... Почему все бывает так хорошо, когда люди просто любят друг друга, и куда все девается, когда они становятся мужем и женой?.. Господи, до чего мне осточертели эти пи-мезоны! Вероятно, я плохой физик. Плохой физик и плохая жена... А что хорошо?»

Она идет к зеркалу уже в халате, глядит на себя.

— Все остальное ничего себе,— громко говорит она.— Митя, вставай, пора!

— М-м-м...

— Потом ты сам будешь сердиться... Митя!

— Уже проснулся...

— Ну, неправда! Ты же спиши!..

— Не сплю, не сплю, не сплю, не сплю...

— Ладно, все остальное хорошо, — говорит Леля и выходит. Ее шаги стихают за открытой дверью.

Гусев спит.

И вот она уже возвращается обратно, умытая, с полотенцем в руках.

— Боже, до чего здесь накурено! — говорит она.— Митя, вставай, пора! Опять ты курил ночью... Митя, половина девятого!

Она сердито бросает в Гусева полотенцем. Он подскакивает.

— А! Встал!

Босые ноги шлепают по полу.
Леля быстро выходит и захлопывает за собой дверь.

Стоит за дверью.

«Ох, дурацкая манера,— думает она.— Вскакивает голый и даже не подождет, чтобы я отвернулась!.. Пусть ест яичницу... Тыфу! Я же забыла купить хлеб! Ну, почему я такая несчастная?.. Ладно, для негохватит...»

И вот оба сидят за завтраком. Гусев ковыряет яичницу, не отрываясь от газеты. Он сосредоточенно мычит и хмыкает.

«Остался кусочек хлеба,— думает Леля.— Взять или не взять? Не могу же я, в конце концов, идти на работу голодной»...

Она протягивает руку, но Гусев, не глядя, берет этот последний кусочек и запихивает его в рот.

— Нет, это невыносимо!— почти вслух говорит Леля и, взяв себя в руки, громко спрашивает: — Митя, ты очень не любишь яичницу? Завтра я приготовлю что-нибудь другое...

— Умоляю! Гречневую кашу.

— Я не умею.

— Черт, какая чепуха! — говорит Митя, не отрываясь от газеты.

— Ничего не чепуха: я никогда ее не варила.

— Я про ООН, мадам!.. А твой Илья мудрец.

— Был мой...

— А теперь чей? Ничей?

— А почему мудрец?

— Потому что человечество глупеет день ото дня,— бросая газету, говорит Гусев.— Ладно, который час?

— Это мы с тобой глупеем день ото дня,— очень кротко говорит Леля,— ничего не читаем, нигде не бываем, ничего не видим — и глупеем. А часы у тебя на руке.

Гусев глядит на часы и вскакивает.

— Чего же мы расселись? Надевай пальто, поехали!

— Митя, я не одета.

— Ну, почему ты не одета?

— Я не успела.

— А почему я успел?

— Ну, это уже свинство! Я жарила яичницу, я грела воду для твоей машины...

— Можно подумать, что я один езжу на этой машине.

— Пока ты будешь выгонять машину, я оденусь и спущусь вниз.

— Хорошо. Но, пожалуйста, поторопись!

Он берет с плиты ведро с горячей водой и выходит.

— Между прочим, нормальные люди ходят пешком! — вслед ему говорит Леля.

— Да? Очень интересная идея!

Гусев скрываются. Хлопает дверь.

«Господи! И чего это бабы так рвутся замуж? Что в этом хорошего? Ровно ничего! — думает Леля.— Что же мне надеть?.. А, все равно. Наплевать!..»

Коридор института. Объявления:

«Объявляется дополнительный набор в группу изучающих танец липси».

«Семинар по конкретной экономике состоится в помещении месткома».

Гусев и Леля идут по коридору. Гусева то и дело останавливают встречные или догоняют сзади:

— Дмитрий Алексеевич, вы не забыли? Сегодня в пять партком.

— Помню, помню,— не останавливаясь, говорит Гусев.

— Гусев, мне нужно пятнадцать минут.

— Заходи после двух.

— Это очень серьезно!

— Заходи после двух!

— Здравствуйте, Елена Михайловна! Дмитрий Алексеевич, завтра Ученый совет.

— Разве завтра?

Они проходят мимо амбулатории. Татьяна Абрамовна стоит в открытой двери.

— Дмитрий Алексеевич!

— Да?

— Если вы...

— Тихо, тихо, тихо,— вполголоса говорит Гусев, косясь на Лелю, которая остановилась неподалеку.— Ну что, если я?

— Если вы сегодня в три часа не явитесь на переливание крови...

— Ещетише!

— ...то я вынуждена буду просить дирекцию не допускать вас к работе.

— Хорошо,— шепотом говорит Гусев.— Приду. На переливание крови. Все?

— В три часа...

Гусев догоняет Лелю.

— О чём вы шептались?

— Она пользуется любым случаем, чтобы объясниться мне в любви,— громко говорит Гусев.

— А ты не теряйся.

— А я и не теряюсь.

— Без пяти три я позвоню тебе и напомню.

Гусев не знает, что ответить. Он идет за Лелей, молча поглядывая на нее.

Гусев и Леля выходят на площадку. Двери. Лестница вниз.

— Митя! — кричит с лестницы молодой сотрудник.— Сегодня в три альпинистская секция. Будешь?

— Ну, в этом году насчет альпинизма сомневаюсь...

Леля открывает обычную деревянную дверь.

Гусев открывает тяжелую металлическую дверь.

Бетонный коридор, вдоль которого тянутся бесчисленные провода. Мы видели этот коридор в начале картины. Идет группа сотрудников института. Здесь Николай Иванович, Васенька, Валерий Иванович. Они спорят на ходу.

— Когда-то война не нуждалась в науке, а сейчас она кормит ее, ибо стала нуждаться в ней,— говорит Николай Иванович.

— Выходит, спасибо войне? Вот это ловко!

— Зря ухмыляетесь! Что, по-вашему, движнуло вперед авиацию, ракетостроение, кибернетику, радиоэлектронику?..

— Вы кто? Советский человек или американский конгрессмен?

— А советскому человеку свойственно думать. Здравствуйте, Дмитрий Алексеевич.

— О чём спор?

— Да вот, Николай Иванович поет гимн войне.

— Вы не подводите под меня политическую мину. Не нужно!

— Николай Иванович, можно задать вам откровенный вопрос?

— Да.

— У вас не найдется десятки до зарплаты?

— Ради бога!.. Кюри-Склодовская своими руками... Пожалуйста!.. Перетаскала двадцать тонн урановой руды. А у нас любой опыт готовят триста человек... Больше вам не надо?.. И никто нас не ограничивает. Почему?

— Ну, какое мы-то имеем отношение к войне? Самый мирный институт!

— А сейчас нельзя двигать одну область. Все взаимосвязано.

— Мне тоже дайте десятку.

— Мир стоит на грани катастрофы, а он...

— Каждый раз как в шестом секторе что-нибудь не ладится, Валерий Иванович вспоминает, что мир стоит на грани катастрофы.

— Нет, кроме шуток, скажите, Николай Иванович, что будет с человечеством, если взорвать наличный запас водородных бомб?

— Почему с человечеством? Даже блок не останется.

— Так кому тогда нужны ваши кибернетика и радиоэлектроника?

— И тем не менее современная война стремительно движет науку. В этом заключается ядовитейший парадокс двадцатого века.

Николай Иванович говорит эту реплику, стоя в дверях своей лаборатории. Договорил и скрылся.

...Сотрудники растекаются по огромному машинному залу.

Гусев и Васенька входят в свой отсек, где монтируется установка. Над невысокой перегородкой видны стены зала, мостовой кран, проносящий тяжелые детали. Три молодых сотрудника уже возятся с приборами. Гусев подходит к одному из сотрудников.

— Ну, что у вас тут?

— Оставьте мой хронотрон в покое,— говорит тот.— Уж в этом-то я разбираюсь лучше вас.

Раздается глухой взрыв, второй, третий.

— Шестой сектор пытается доказать, что у них все в порядке,— говорит, ухмыляясь, Васенька.

— Война кормит науку, наука кормит войну, а выход-то где? — говорит молодой сотрудник.

— В восемнадцатом году сказали бы: мировая революция,— откликается другой сотрудник, уже взобравшийся на установку.— В сорок первом — разгром фашизма. Сейчас — мирное сосуществование.

— Самое интересное, что и то, и другое, и третье верно! — кричит Гусев, ибо нормально говорить уже нельзя: грохот нарастает.— Ну, кто так паяет! — набрасывается он на аспиранта.

— Я физик, а не лудильщик! — огрызается тот.

— А физик, между прочим, должен паять лучше лудильщика! — кричит Васенька.

— Нет, вы мне ответьте прямо: будет война? — кричит Гусеву на ухо молодой сотрудник.

Гусев что-то отвечает, но слов разобрать уже нельзя: выхлопы, похожие на канонаду, визг электросверл, шум компрессоров...

...Ночь. Гусев закрывает дверь своей лаборатории.

Он идет по коридору.

Поднимается по лестнице.

Открывает дверь квартиры.

Идет на цыпочках. Заглядывает в спальню.

Леля спит.

Он входит в кухню, ставит на плитку кофейник, садится и начинает молоть кофе.

ПЯТЫЙ ДЕНЬ

Весна. Утро.

Кухня. Леля варит гречневую кашу.

«...Что же у нас происходит? — думает она. — Что происходит?.. Я ему просто не нужна. Он не замечает: есть я или нет... Неужели из этого получится каша? — Она мешает кашу и обжигается. — Очень странная каша... Да нет, просто ты холодная, пустая, избалованная, недобрая, самоуверенная баба. С вывертами... И что еще?.. И вовсе не очень умная! Тебя считают умной потому, что ты женщина. Была бы мужчиной, считали бы просто дураком... И что еще... Хватит!..»

— Митя, завтракать! — кричит она.

И вот уже оба сидят за завтраком. Он, как всегда, с газетой. Мычит что-то, ковыряет гречневую кашу.

Она сидит, положив руки на стол. Не ест, смотрит на него.

— Хорошая каша?

— Нормальная, — не отрываясь от газеты, говорит Гусев.

Молчание.

— Митя, скажи честно: я глупая?

— С чего ты взяла?

— Я злая?

— Что за чепуха! — Гусев впервые глядит на нее. — Почему ты не ешь?

— Не хочется...

— Надо есть.

Она молчит, глядя на него. Что-то в ее взгляде встревожило Гусева.

— Надо есть! — повторяет он, все внимательнее приглядываясь к ней. — Что это за халатик?

— Я каждое утро надеваю его. Вот уже месяц.

— Серьезно? Очень милый халатик... Ну, нужно ехать. Ты готова?

— Я не одета, Митя, — не вставая, говорит она. Гусев морщится.

— Прости, Лелечка, сегодня я не могу тебя ждать.

— Хорошо, я пойду пешком.

— Ты меня извини... — Он встает.

— Нет, нет, я все понимаю... иди.

Он выходит, хлопает дверь.

«Он уже не хочет даже подождать меня... Как все это быстро!.. Нет, надо что-то делать!..»

Она встает, начинает ходить по кухне, машинально убирает посуду.

«Леля, надо что-то делать!.. Что-то надо решать... Так больше нельзя... Это нехорошо... А что можно сделать? Почему так получается?.. Я же хочу, я же стараюсь!..»

И тут раздается звонок. Она сразу останавливается.

— Нет, все-таки он не смог уехать без меня,— вслух говорит она.— Все-таки он вернулся...

Она садится.

«Пусть позвонит еще раз... Смешно! Ну, почему ты радуешься, дурочка? Подумал — и вернулся, только и всего... Ну, позвони же еще раз...»

Снова раздается звонок.

— Я не буду торопиться,— говорит Леля.

Она медленно идет к двери, улыбаясь, приглаживая волосы. Лицо у нее почти счастливое.

Снова звонок.

Лицо у Лели делается холодным, строгим и сдержанно озабоченным.

С этим лицом она открывает дверь.

Но подготовка пропала даром: за дверью стоит не Гусев, за дверью стоит Куликов — изящный, сытый, мягкий, с неизменным портфелем в руке.

— Лелечка! Я боялся, что уже не застану вас обоих! — говорит он, входя в прихожую.— Митя! Это я, Илья! Где ты там?

— Он уже на работе,— говорит Леля.— Здравствуй, Илья. Прости, я очень тороплюсь...

Она резко поворачивается, быстро идет в кабинет, хватает со стула что-то розовое.

— Я тоже в институт, я не буду раздеваться! — кричит Илья ей вслед.

Леля скрывается в спальне. Хлопает дверь.

«Зачем он приехал? — думает она, скидывая халатик, хватая юбку.— Кто его просит?»

— Ты надолго? — кричит она через закрытую дверь.

— На три дня! — кричит Илья. Он уже шагает по кабинету в пальто, но без шляпы.— Меня Митя вызвал!

Леля перестает застегивать юбку:

— Митя?!

— Что-то ему нужно! — кричит Илья.

Она снова начинает лихорадочно быстро одеваться.

«Вызвать Илью — и ничего мне не сказать! — думает она.— Нет, это чересчур!.. Почему он это сделал? Зачем это ему понадобилось?»

Илья обходит кабинет, разглядывая книги.

— Ты не рада мне? — кричит он, глядя на дверь спальни. Лицо у него растерянное и грустное.

— Я очень, очень рада! — кричит Леля, застегивая кофточку.

«И без того тошно, так тут еще Илья,— думает она.— И такой сытый, довольный, пахнет парикмахером...»

— Лелечка, я тебе духи привез! — кричит Илья,

— Спасибо! Положи на стол! — вытирая кончиком платка глаза и всхлипывая, кричит в ответ она.

«Оба хороши... Взвать Илью и ничего мне не сказать!.. Как будто я кошка...».

Одна из лабораторий Гусева. Большая комната. Много приборов. Пульт установки. Человек пять-шесть сотрудников. Среди них Васенька, тощий блондин, аспирант.

Мрачный Гусев перебирает фотографии.

— Эти не смотрите,— говорит Васенька.— Тут чепуха... Вот! — Он подает другую пачку.

— Эти не лучше,— бормочет Гусев.— Черт! Ничего не понимаю... Ну, если и сегодня...— Он внимательно всматривается в фотографию.

— Дмитрий Алексеевич,— говорит тощий блондин.— Это не такая штука, чтобы смотреть ее в микроскоп: явно ничего нет.

— Явно, явно,— бормочет Гусев.— Все явно и ни черта не явно...

— Зравствуйте, товарищи алхимики! — раздается голос.

Гусев оборачивается, лицо его светлеет. В дверях стоит Илья.

— А, Илюха! Приехал! Вот молодец! Они обнимаются.

— Ты мне очень нужен! — говорит Гусев.

— Я всем нужен.

— Мне больше всех!.. Игорь, включите установку через три минуты ровно.— Он смотрит на часы.— Пойдем, Илья! Ты мне поможешь разобраться в одной чертовщине.

— Дай хоть лоб перекрестить!

— Ладно, ладно...

Они идут по коридору.

— Ты где устроился?

— Пока нигде.

— Остановишься у нас?

— Ну, зачем же? Есть гостиница...

— Ах, да... Слушай, Илюха, ты помнишь наш разговор в ресторане?

— Разумеется.

— И ты по-прежнему так же безнадежно смотришь на мир?

— Митенька, я не в том возрасте, когда убеждения меняются в зависимости от последнего номера газеты.

— Ну, а во имя чего ты работаешь сам?

— А мне просто интересно. Это упражнение мозга. Я не могу не думать.

Гусев и Куликов входят в зал.

— Вот она, моя кастрюля! — кричит Гусев, ибо в этом зале всегда приходится кричать.— Новая еще не готова!.. Это, видишь, вакуумные насосы, ионизованная плазма вводится внизу.

Они стоят уже около самой установки.

— Все как у людей... Но упрямая, собака! Хоть из пушки в нее стреляй! Ни одного нейтрона не выбьешь...

— Я, так сказать, это предполагал! — кричит Илья.

— Предполагал!.. Мы тут пробуем сегодня еще один вариант. В порядке полного бреда... Сейчас ее включат! Ну-ка, выди лучше от греха, все-таки ты гость...

Илья выходит. Гусев один остается на установке.

Дверь отсека захлопывается. Зажигается табло: «Опасно!»

Выстрел. Второй. Третий. Табло гаснет.

Дверь открывается. Выходит Гусев.

— Ну, пошли на пульт...

Они идут по коридору.

— Я как ребенок,— говорит Гусев.— Каждый раз думаю: а вдруг...

Откуда-то из бокового проема выскакивает Васенька, кричит издали:

— Дмитрий Алексеевич! Поток!

— Чего поток?

— Нейтроны! Двенадцатая!

— Брите!

На крик Васеньки из своей двери выглянул Николай Иванович. Бежит из глубины тощий блондин.

— Дмитрий Алексеевич!

— Тихо! — говорит Гусев.— Без паники!.. Идем, Илья.

Они входят в лабораторию. Три сотрудника сразу бросаются к Гусеву:

— Дмитрий Алексеевич!..

— Не шумите! Спокойно... Пробуем еще раз!.. У вас готово?

— Сейчас... Можно!

Все сгрудились около приборов.

Напряженно ждут.

Гусев закрывает глаза, потом открывает их.

— Пять... Четыре... Три... Два... Раз!..

Щелканье выключателя. Далекий глухой выстрел.

Другой. Третий.

По лицам Гусева и всех остальных мы понимаем, что произошло чудо.

— Видели? — задыхаясь, говорит тощий блондин.

— Не может быть,— говорит Гусев.— Повторяю... Ты видел, Илья?... Приготовились...

В лабораторию быстро входят Валерий Иванович и Николай Иванович.

— Неужели нейтроны? — спрашивает Валерий Иванович.

— Смотрите сами! — кричит тощий блондин.

— Сами смотрите,— говорит Васенька.

Николай Иванович пожимает плечами:

— Нейтроны...— ворчит он.— Это еще нужно попробовать на зуб.

— Нужно Бутову позвонить! — говорит тощий блондин.

— Подождите вы с Бутовым!

— У меня готово...

— Ну...— говорит Гусев. Потом, помолчав, снова командует:

— Пять... Четыре... Три... Два... Раз!..
Выстрел.

Другой.

Третий.

— Ура! — кричит аспирант.

— Ну, успокойтесь же! Держите себя в руках! Повторяю...

По коридору к лаборатории Гусева бегут сотрудники... В дверях лаборатории столпились люди. Пробивается Бутов.

— Это правда? — спрашивает он.

— Похоже,— говорит Николай Иванович.— Десять в двенадцатой!

— Не торопитесь,— говорит Гусев.— Павел Демьянович, станьте здесь, отсюда виднее.

У приборов много людей.

— Братцы, дайте и мне поглядеть!

— Ну, гляди!

— Да тут не подступишься...

Пробивается в лабораторию взволнованная Леля.

— Готово!

— Пять... Четыре... Три... Два... Раз!..

Выстрел, другой, третий. Взрыв восторга. Бутов со слезами на глазах обнимает Гусева.

— Митенька... Дорогой...

Он не может продолжать.

— Ну, что вы, Павел Демьянович,— успокаивает его Гусев.

— Такая минута... такая минута,— повторяет Бутов.

— Пробуем в последний раз!

Все замолкают. Тишина. И в тишине раздается голос Татьяны Абрамовны:

— У вас нейтроны?

Гусев глядит на нее:

— Не волнуйтесь, доктор. Они там, а мы здесь.

— А там никого не было?

— Что мы — дети? — говорит Гусев.

Илья резко поворачивается к Гусеву.

Гусев до боли сжимает ему руку.

Илья тревожно и недоуменно смотрит на Гусева. Гусев спокойно командует:

— Готовы?.. Пять... Четыре... Ну, пронеси господи... Три... Два... Раз!..

Выстрел.

И даже не дождавшись второго, раздается общее «ура!»

Коридор. Он заполнен людьми. Люди собираются по лестнице, выбегают из проемов.

На тележке для перевозки грузов катят Гусева и его сотрудников.

Гремит «ура».

Шампанское, бокалы, цветы на столе. Вокруг стола хлопочут Леля, какая-то девушка, тощий блондин, Васенька. Веселые голоса, звон посуды.

Ташат тарелки.

Николай Иванович держит Илью за отворот пиджака.

— Слушайте, если это окажется термоядерной реакцией,— возбужденно говорит он,— если это термоядерная... Это начало нового века!.. Термояд в наших руках... Нет, вы не понимаете, что сегодня произошло! Термояд в наших руках!

— Ну почему это я не понимаю?

И тут раздается общий взрыв голосов. Аплодисменты.

В дверях стоит сияющий Гусев.

— Ух, какое торжество! Товарищи, одну минуту! Я только вымою руки!

Гусев входит в ванную, открывает кран и, сунув руки в карманы, молча смотрит на текущую воду. Лицо у него задумчивое и невеселое. Вдруг он поворачивается.

В дверях стоит Илья.

— Почему ты ничего не сказал? — очень серьезно говорит тот.

— Закрой дверь,— просит Гусев.
Илья закрывает дверь.

Гусев стоит около открытого крана.

— Я высчитал,— говорит Илья.— Десять в двенадцатой. Ты получил около двухсот рентгенов.

Илья подходит к Мите.

— Это не шутка. Почему ты ничего не сказал?

За дверью ванной слышен шум, чей-то голос:

— А где именинник? Гусев, где ты?

— Иду! — кричит Гусев.

— Надо сказать,— говорит Илья.

— Подожди, Илья... Вот что, милый...

В данном случае мне уже наплевать, как ты смотришь на мир. Мне нужна твоя голова. Ты никуда не уедешь. Будешь сидеть здесь.

— Хорошо, Митенька, но почему ты ничего не сказал?

— Молчи! Это мое дело...

— А надо бы сказать...

— Успеется...

ШЕСТОЙ ДЕНЬ

Этот день начинается поздно вечером.

Знакомая нам лаборатория Гусева.

Пульт. Приборы. Васенька, Леонид, молодой аспирант и чернявый сотрудник проводят очередной опыт.

Маленький радиоприемник передает репортаж о футбольном матче.

— Четыре... Три... Два... Раз,— лениво командует Васенька.

Три глухих выстрела.

Одновременно из радиоприемника доносится рев болельщиков.

Аспирант торопливо прибавляет звук.

— А, черт, прозевали!

— Кто там забил?

— Кажется, Гусаров...

— Я готов,— говорит чернявый сотрудник.

— Четыре... Три... Два... Раз!

Три глухих выстрела.

— В воскресенье что делаешь?

— Наклевывается вариант.

— Опять наклевывается? Ну, ты ходок!

— Да брешет он...

— Ты что там — заснул? — добродушно спрашивает Васенька чернявого.

— Давно готов...

— Три... Два... Раз!

Выстрелы.

— Все то же самое? — раздается голос Гусева.

Он стоит в дверях.

Васенька молча пожимает плечами.

— Хоть бы приемник для приличия выключили,— говорит Гусев.

Леонид молча выключает приемник.

Гусев выходит.

— Я готов,— говорит чернявый.

— Ушел? — спрашивает Леонид, оглядывается и включает приемник.

— Давай,— говорит Васенька.— Два, раз!
Выстрелы.

Та же лаборатория. Ночь.
Гусев и Куликов просматривают фото-
снимки.

— Интересно,— благодушно замечает Ку-
ликов,— повышаем силу тока в разряде, уве-
личиваем магнитное поле — должен бы соот-
ветственно нарастать и выход нейтронов...

— А он не нарастает,— мрачно говорит
Митя.

— А он не нарастает... Митя, по-моему,
я уже видел именно этот снимок.

— И не один раз! Опять этот болван Федо-
ров напутал. Не понимаю, что у него в башке.

— Парень, так сказать, влюблен.

— Выгоню его завтра же к чертовой ма-
тери...

— И тебе не жалко парня?

Гусев отрывается от фотографии:

— Знаешь, надоела мне твоя доброта!

— А коммунизм, между прочим, долж-
ны строить именно добрые люди,— говорит
Куликов, внимательно рассматривая photo-
графии.

— Деловые его должны строить!

— И добрые.

— У добрых все растаскают из-под рук...
Пошли!

Гусев бросает фотографии. Куликов встает,
потягивается.

— Добрые и терпимые,— говорит он зе-
вая.— И еще раз добрые. И еще раз терпи-
мые.

Они идут к выходу.

— Представляю себе этот твой комму-
низм,— говорит Гусев.

Они идут по коридору.

— Все ясно,— благодушно разглагольст-
вует Куликов.— Ты воспитан на положитель-
ных образах современной литературы.

— А ты? Кстати, как ты полагаешь — ты
сам какой: положительный или отрицатель-
ный?

— Я положительный,— убежденно говорит
Куликов.

— Вот в этом твое глубочайшее заблужде-
ние. Прежде всего ты идеально неустойчив.
В былые времена любой твоей реплики было
бы достаточно...

— Так в былые времена я помалкивал,—
говорит Куликов.— Постой!

Он останавливается около стенгазеты.

— Ты что?

— Погляди, очень забавно: «Откроем но-
вую частицу в текущем квартале».

— Брось! — Гусев идет дальше.

— Нет, Митя, ты не чувствуешь всей пре-
лести,— говорит Куликов, догоняя его.— От-
крытие новой частицы — это великое событие.
Какая разница, произойдет ли это событие,
так сказать, в текущем квартале или первого
числа следующего?

— Ну что ты привязался? Обыкновенный
дурак! Ничего интересного.

— Митенька, дурак не может быть не
интересен,— говорит Куликов, вышагивая ря-
дом с Гусевым.— Дурак — это явление, так
сказать, общественное. Я, Митенька, обожаю
изучать дураков! Не будь их — картина мира
была бы неполной. Прежде всего дурак
необыкновенно точно отражает своеобразие

эпохи. Умный может быть и впереди эпохи и в стороне от нее. С дураком этого не случается.

Гусев начинает улыбаться.

— И заметь, Митя, мир дураков необыкновенно разнообразен,— продолжает Илья, беря Митю под руку.— Дурак зарубежный — это совсем не то, что наш, отечественный. Дурак от науки не имеет ничего общего с дураком административным. Ох, какой же бытует у нас великолепный дурак! Крепкий! Надежный! Он сидит, как гриб, в своем дерматиновом кресле. Умный может ошибиться, дурак не ошибается никогда! Это поразительно, Митя!

Гусев смеется.

— Ни одна даже самая совершенная общественная формация не в состоянии гарантировать себя от дураков. Они неистребимы! Изучай их, Митенька, смакуй их, как хорошее блюдо. Другого же выхода нет!

— Илюха, ты золото,— говорит Гусев.— Зайдем на новую установку?

— Зачем?

— Просто так...

Новая установка во всем своем блеске. Илья и Митя стоят в дверях. Молча смотрят.

— Теперь все зависит от нее,— говорит Гусев.

— Ты думаешь, она принципиально отличается от старой?

— Конечно! Прежде всего она мощнее. И немножко умнее.

Они идут по улочке города. Весна. Деревья уже покрыты молодой зеленью. Откуда-то доносятся звуки оркестра. Проходит парочка.

— Илюша,— после долгого молчания говорит Гусев.— А что, если это не термоядерная?

— Задай мне этот вопрос утром...

Снова идут молча.

— А что, если это не термоядерная?..— повторяет Гусев.

Пробегает стайка молодежи.

— Куда это? — спрашивает Илья.

— Танцы там...

— Зайдем?

Танцплощадка за низенькой оградой. На эстраде военный оркестр. Он играет марш энтузиастов, но танцуют под него и фокстрот, и черт его знает что. Здесь лаборанты и аспиранты, водители машин и подавальщицы из столовой, работники прилавка и студенты, приехавшие на практику.

Гусев и Куликов смотрят на танцующих.

— Когда у тебя начнут откачивать насосы? — спрашивает Куликов.

— На новой?

— Ну да, на новой установке.

— В субботу, надеюсь...

Они смотрят на танцующих.

— И долго они будут качать вакуум? — спрашивает Куликов.

— Месяца два примерно... Я понимаю, куда ты гнешь: можешь уезжать. Хоть завтра!

Они снова пошли.

Бульвар. Скамейка. Парочка. Подходят Гусев и Куликов. Гусев садится.

— Простите, пожалуйста,— говорит он.

Парочка молча встает и уходит.

— Как только получишь первые результаты на новой, дай телеграмму, я прилечу,— виноватым голосом говорит Илья.

— В любом случае?

— В любом случае... Пошли?

— Нет, я посижу.

— Посидеть с тобой?

— Не надо.

— Ну, будь здоров.

Они расходятся.

Гусев поднимается по лестнице.

Подходит к двери и, постояв, отдавшись, открывает ее своим ключом. Входит в квартиру.

На цыпочках идет в спальню.

Горит ночничок. Леля, кажется, спит. Гусев тихо закрывает дверь, медленно идет к столу.

— Я не сплю,— говорит Леля.

Гусев вздрогивает, поворачивается. Леля приподнимается на подушке, смотрит на Гусева.

— Я хочу есть,— говорит Гусев.

— Возьми в холодильнике...

Гусев идет на кухню, вынимает из холодильника сыр, ставит на плитку кастрюльку, ищет что-то в шкафчике.

— Что ты ищешь? — спрашивает Леля. Она стоит в дверях.

— Кофе.

— Кофе в банке. Зачем тебе кофе на ночь?

— Мне нужно еще немножко подумать.

— Может быть, ты вообще переселишься в институт? Поставишь там раскладушку...

Митя, пожав плечами, достает кофе.

— Не исключено.

— Слушай, Митя. Скажи честно: ну зачем я тебе нужна?

— Глупый вопрос.

— Понимаешь, мне казалось, что тебе будет легче со мной. Я, вероятно, ошиблась. Мне все время кажется, что я тебе мешаю.

— Ты мне не мешаешь.

— Давай говорить начистоту, Гусев. Я же вижу, я доставляю тебе неприятности, я требую внимания, я досаждаю тебе своими идиотскими настроениями... Но что же делать? Я же не домашнее животное, а женщина.

— А я говорил тебе, что ты пожалеешь на следующий же день.

— Я не жалею, я ни о чем не жалею! — вскрикивает Леля.— Если бы я хоть на минуту почувствовала, что я тебе нужна, я, может быть, была бы счастлива.

— Ты мне нужна.

— Неправда. Просто неправда!.. У тебя сейчас убежит кофе...

Гусев выключает газ.

— Неправда?.. Эх ты! Тонкое, интеллектуальное существо... Что ты понимаешь в жизни?

— Тогда, в Москве, мне показалось, что ты любишь меня,—тихо говорит Леля.

— Я люблю тебя,— говорит Гусев.

Они смотрят друг на друга.

У Мити в руках кастрюлька с кофе.

— Ладно,— говорит Леля.— Садись, ешь.
Я опять мешаю тебе.

...И вот они уже лежат рядом в постели.
Оба не спят.

— Гусев,— тихо говорит она.
Митя молчит.

— Ты спишь?
— Нет.

Она осторожно проводит щекой по его щеке, гладит его волосы, легко целует его глаза — и вдруг пугается:

— Что с тобой?

Может быть, она почувствовала слезы.
Он быстро встает, выходит в соседнюю комнату, садится, подпирает подбородок руками. Смотрит в темноту.

Она тоже встает, шлепая босыми ногами, подбегает к нему.

— Что с тобой?.. Случилось что-нибудь?

— Случилось...

— Сегодня?!

— Нет, месяц назад. В день, когда приехал Илья.

— Боже мой!..

Она вдруг опускается перед ним на колени.

— Ох!.. Я знала... Я знала, что это случится...

Гусев молчит.

Она прижимается лицом к его руке.

— Гусев,— говорит она.— Мой бедный Гусев...

— Начало конца,— говорит он.

— Нет, не хочу! Не хочу!..— целуя его ру-

ку, повторяет она.— Не смей! Не смей!.. Нет, не хочу!

Он молчит.

— Митя!..

— Что?

— Прости меня, я просто пошлая дура!
Тишина.

Леля сидит на полу, прижавшись щекой к его коленям.

Он молчит.

— Митя, ну почему ты все время молчишь?

Он молчит.

— Ну, скажи! Скажи что-нибудь!..

— Разве я молчу? — говорит он.

СЕДЬМОЙ ДЕНЬ

Рабочий поселок. Улица. Домики. Палисадники. Ребятишки, петухи, беременная коза.

...Женщина лет двадцати двух вертит ворот, вытаскивая из колодца наполненное до краев ведро. Она оборачивается, взглядывает, видит что-то, как бы узнавая и не узнавая, и вдруг, вскрикнув, бросает ведро.

Завертелся ворот, с каждой секундой все быстрей и быстрей. Удар! Это ведро коснулось воды и дернуло ворот. Еще по инерции ручку повело вправо, потом влево, и, наконец, она замерла, остановившись совсем.

Прижалась друг к другу, стоят два человека. Он отрывает ее мокре, в слезах лицо от своего плеча и пытается заглянуть в глаза.

— Я не узнал тебя, Нюрка...

— А я так сразу вас признала...

— Почему ты называешь меня на «вы»?
— Не знаю.
— Знакомься, это Леля, моя жена. А это вот Ниура...

Ниура с любопытством смотрит на Лелю.
— Я вам гостинцев привез,— говорит Гусев.
— Батя за хлебом ушел в магазин,— говорит Ниура,— скоро будет. А мы телеграмму получили от вас, вчера еще ожидали.

— Ты опять говоришь мне «вы»?
— Простите, не буду.

Комната. Низкий, давно не беленный потолок, бревенчатые стены. Небольшие окна и занавесочки на них — из марли.

Входят Гусев и Леля. Ниура несет за ними чемодан. Гусев остановился в дверях.

С лавки поднимается высокий здоровый парень лет двадцати пяти. Он в тапках на босу ногу и в майке.

— Вот,— все еще страшно волнуясь, выдыхает Ниура,— это Вася — мой муж.

— Здравствуйте, — улыбается Вася.— Очень приятно. Тут только и разговоров про вас.

— Здравствуйте, — говорит Гусев.
Он смотрит вокруг, узнает и не узнает.
— Господи,— охает Ниура.— И что ты такой неприбранный? Хоть бы рубашку надел.
— Это нетрудно,— добродушно говорит Вася.— Возьму и надену.

Смотрит Гусев.

Поплыла перед ним комната. В дальнем углу — кровать. Над ней лампадка, зажжен-

ная под образами. Комод. Сундук. Большой стол, покрытый kleenкой. Пол, стертым не одним поколением ног. На стене, прибитые гвоздиками и пришипленные кнопками, висят пожелтевшие фотографии.

— Я за батей побегу! Я духом! — говорит меж тем Ниура.

Она кидается к двери, останавливается.

— Гриша! — зовет она.— Гриша!

Появляется Гриша.

— Давай быстренько к тете Вере ступай!
Скажи, мол, дядя Митя приехал.

— Не нужно,— говорит Вася.— Я сам скажу. Это будет вернее.

Он подходит к двери и оборачивается:

— А вы садитесь, отдыхайте пока.

Леля и Митя остаются вдвоем.

...Около дома уже собралась порядочная толпа. Идет старик Гусев.

...Бежит какая-то женщина. Толпа уважительно расступается перед ними.

...В комнату вбегает старшая сестра — Вера. За ней старик Гусев. Вера порывисто бросается к Мите, обнимает его, прячет лицо у него на груди.

— Ну, ну, Верушенька... Ну... — растерянно шепчет Митя.

...Подходит старик Гусев, берет ее за плечи:

— Будет тебе, Вера, не реви! Никто тут не помер.

Он отстраняет ее, смотрит на Гусева.

— Здравствуй,— глухо произносит он.— Спасибо, что не забываешь.

— Ну, что вы, батя...

Старик искоса смотрит на Лелю.

— А это твоя жена? Познакомил бы...
Леля подходит к старику.

...Ребятишки все еще толпятся около дома Гусевых, встают на цыпочки, заглядывают в окна.

...Вся семья Гусевых сидит за столом.

Вася разливает в граненые стопки водку. Молчание. Все смотрят на старика.

Старик берет стопку.

— Первым делом,—говорит он,— выпьем за мать, вечная ей память. Дожидалась она этого дня, не успела. Тут все как стояло при ней. И кровать, и иконы... Ничего не позволил менять...

Глядя на свою стопку, он залпом опрокидывает ее.

— Очень уж, Митя, ты ее обидел...

— Батя, не надо,—говорит Нюра, и разговор прекращается.

Едят молча. Поднимается Вася и разливает по второй.

— А нас скоро будут сносить,—говорит Нюра.—Тут почти всех посносили, только наша улица осталась. Говорят — на железе стоим. Под нами железо....—Она замечает, что ее не слушают.—А что, разве я не так говорю?

— Да нет, все верно,—говорит Вася.

Нюра проводит глазами по лицам и замечает то, что видят все: вдруг побледневший Гусев пытается поставить стопку на стол, но рука идет мимо стола и тщетно отыскивает его край.

Леля, как бы невзначай, берет руку Гусева. Все в порядке. Стопка на столе.

— Уже отстроили новое село, знаешь, на зимогорье? — неуверенно продолжает Нюра.— Приехал бы через месяц и не нашел. Где мы? Ан нету...

— Ну, будем здоровы,— провозглашает стариk, и все пьют по второй.

— Деда, а мне? — просит Гриша.

— Капустки квашеной хочешь?

— Да ну ее...

— Помнишь Сашку Головина, ну Стешкина-то меньшого? — говорит стариk.— Так вот схлопотали ему пять лет по пьяному делу.

Помолчали.

— А Витька Воронов уже в генералах...

Стариk говорит, а сам пристально следит за Митеем, который ничего не ест, и стопка перед ним стоит нетронутой.

Ночь. В доме спят. Горит на столе керосиновая лампа. За столом сидят только Митя и отец. Говорят они шепотом.

Свет падает на лицо старика, на его большие тяжелые руки.

— А вообще-то живем хорошо. Всего хватает.

— Я, батя, денег тебе привез.

— Не надо, Митенька, мне ничего. Спасибо, что сам приехал. Ты вот что скажи мне: ты жизнью своей доволен?

— Жизнью? — Митя улыбается.— Трудный вопрос.

— Я же тебе не кто-нибудь, а отец. Мне интересно.

— Доволен,— говорит Митя.

— Остался бы тогда. Был бы сейчас про-
рабом, жил бы себе, работал! А, Митя?
— Нет, батя, каждому в жизни свое.
— Это верно.

...А за дощатой перегородкой на кровати
лежит Леля. Она не спит. Смотрит в темноту.
...Старик и Митя по-прежнему сидят за
столом.

— Вот что еще я хочу у тебя спросить...
— Спрашивай, батя...

— Вот люди разное говорят про эту самую
штуку... Ну, про атомы... Стоит ли это, Митя,
того, чтобы отдавать свою жизнь?

— Да, батя, стоит.

— А может, зря все это открыли? Кому
это надо?.. Жили же, Митенька, и без этого.

— Нет, батя, не зря. Когда-нибудь лю-
ди скажут спасибо... А кроме того, мысль
остановить нельзя. Если бы даже вдруг
забыть все, что сделано,— все равно те, кто
будет жить после нас, пойдут той же до-
рогой...

Старик внимательно смотрит на сына.

— Ты бомбу делал?— глухо спрашивает он.
— Делал.

Молчание.

— А если бы не сделали мы, батя, то не
было бы у нас сейчас этого разговора да и
половины человечества не было бы...

— Понимаю.

...Леля по-прежнему лежит молча, не спит,
глядит в темноту.

— Долго ты у меня погостишь? — осторож-
но спрашивает старик.

— Нет, батя, утром уеду.

Утро.

На узкоколейке, что проходит возле посел-
ка, стоит рудничный поезд. Пыхтит паровозик.
Леля, Вера и Нюра сидят на открытой
платформе.

Старик Гусев стоит на земле. Он держит
за руку внука.

— Ну, батя, прощай,— говорит Митя.—
Береги себя, ладно?

— Ладно, Митя, спасибо тебе.

Не оборачиваясь, Митя идет к платформе.

— Митя! — окликает его отец.
Он останавливается.

— Вернись на минуту.

Митя возвращается и подходит к отцу.

— Дай еще на тебя погляжу. Ведь видим-
ся-то в последний раз.

— Кто знает,— говорит Гусев.

Старик смотрит на него, потом проводит
шершавыми крючковатыми пальцами по его
щекам, лохматит волосы.

— Ну, ступай!

Митя отходит от него.

Поезд трогается.

И еще очень долго, все уменьшаясь и
уменьшаясь, видна фигура старика, стоящего
у железнодорожного полотна и держащего за
руку внука...

ВОСЬМОЙ ДЕНЬ

Квартира Гусевых. Раннее утро. Леля
перед зеркалом поправляет прическу.

— Ну, вот и все,— говорит она.— Нужно
бежать. Уже без четверти девять!

Она подходит к Гусеву, который лежит в подушках на тахте. На тумбочке — пузырьки с лекарствами, стакан воды.

— Неужели они и сегодня отложат опыт? Почему они тянут? — тихо говорит Гусев. — Непонятно...

— Я зайду к ним и все подробно узнаю.

— Узнай...

Она целует его и идет к двери.

— Леля!

— Что?

— А может быть, они уже провели серию?.. Впрочем, чепуха... Ну, ступай, ступай...

Она вновь идет к двери.

— Леля!

Она останавливается.

— Да?

— Как ты думаешь, не вызвать ли Илью? Пошли ему телеграмму...

Леля напряженно ждет.

— Нет, не надо,— говорит Гусев.— Иди!

И вот ее шаги уже слышны в передней, хлопает дверь. Гусев лежит неподвижно, прислушиваясь к затихающим шагам на лестнице. Все смолкло.

Тогда он откидывает одеяло и встает. Это очень трудно. Встал. Сунул ноги в домашние туфли. Постоял. Отдохнул. Пошел, держась за стенку. Подходит к шкафу, открывает его, достает костюм, галстук, свежую сорочку...

Лестничная площадка.

Открывается дверь, и из квартиры выходит гладко выбритый Гусев. На нем праздничный

темный костюм. Из-под крахмального воротничка выглядывает тщательно завязанный галстук.

Держась за перила, он медленно спускается вниз. Навстречу ему поднимается соседка.

— Доброе утро,— говорит он.

— Доброе утро...

Она глядит ему вслед, как будто это привидение.

Яркий солнечный день. Велосипедисты, веселые стайки ребятишек, мамы с колясками.

Гусев медленно идет, чуть-чуть сощурив глаза и задрав подбородок.

Иные останавливаются, здороваются с ним, провожают его взглядами.

Он идет по институтскому двору. Двое останавливаются и глядят ему вслед.

Где-то на третьем этаже появилась в окне девичья голова. Увидела Гусева — и тотчас же исчезла.

Гусев идет по институтскому коридору. Люди смотрят ему вслед.

Он проходит мимо фантастически сложных приборов. Через какие-то лаборатории, мимо установок.

Входит в комнату пульта новой установки.

Пульт демонтирован. Передний щиток снят. Обнажена проводка. Васенька, Леонид, аспирант и чернявый сотрудник возятся в кишках пульта.

Илья и Леля тихо говорят о чем-то.

Первым замечает Гусева Васенька. Он толкает Леонида.

И вот уже все молча смотрят на Гусева, как пойманные на месте преступления.

— Когда ты приехал? — тихо спрашивает Гусев.

— Позавчера, — краснея, бормочет Илья.

— Кто тебя вызвал?

— Я, — говорит Леля.

— Сколько проведено опытов? — помолчав, спрашивает Гусев.

— Шесть серий...

— Дайте снимки.

Васенька торопливо передает Мите пачку снимков. Леонид — другую.

Гусев бегло просматривает первые два.

— Так, — говорит он и бросает фотографии. — Проявили чуткость. Пожалели, не сказали...

Он бросает остальные снимки.

— Видишь ли, Митенька, — робко начинает Илья. — Получается, так сказать, любопытный эффект...

— Я вижу, — говорит Митя, поворачивается и выходит.

Леля бежит за ним.

Где-то в уголке, среди огромных ящиков с неразобранным оборудованием, уходит вверх крутая железная лестница.

Митя сидит на ступеньке. Потом поднимает голову. Перед ним Леля. Она присаживается рядом.

— Ты помнишь, какое сегодня число? — улыбаясь, говорит Гусев.

Леля молча кивает головой.

— Ровно год назад мы объяснялись на переговорной, — говорит Гусев.

— Уже год прошел?

— Да. Я доволен. Очень доволен. Из ста возможных путей к истине один испытан и отпал. Осталось только девяносто девять.

— Какой огромный был год! — говорит Леля. — Я никогда не думала, что год это так много.

— Завтра я лечу в Москву.

— Я с тобой!

— Не надо. С тем, что мне предстоит, я должен справиться в одиночку.

— А я?

— А ты будешь встречать меня в вестибюле клиники.

Она обнимает его, прижимается к нему.

С верхней площадки лестницы, держась за поручни, спускаются Николай Иванович и Валерий Иванович. Останавливаются, глядят вниз.

Там, глубоко внизу, прижавшись друг к другу, сидят Гусев и Леля.

Физики переглядываются и тихонько поворачивают обратно.

ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ

Вот пришел и девятый день нашей истории.

Москва. Клиника Покровского. На ступенях института мальчишка. Okolo него ведро с осенними цветами.

...Тот же знакомый подвал. Собака в клетке.

— Евгений Григорьевич в операционной,— слышен за кадром женский голос.

— Как зовут эту собаку? — спрашивает Гусев.

— Тут же написано.

— Я не вижу.

— Простите,— смущенно говорит женщина в белом халате и читает надпись на табличке: «Джек»...

— Джек! — радостно кричит Гусев и бегется за прутья клетки.— Здорово, дружище! Вот мы и встретились... Махнем не глядя? А?

Женщина растерянно смотрит на него. Он отрывается от клетки.

— Я предлагаю ему меняться местами. Не хочет!

Гусев делает неуверенный шаг, женщина берет его под руку.

— Спасибо, я сам.— Гусев освобождает руку.

Предоперационная.

Профессор Покровский моет руки.

— Вы оказались пророком,— говорит Гусев.— Я снова здесь.

— Вижу.

Из операционной выкатывают носилки, покрытые чем-то белым.

— Ну, как он там? — спрашивает Покровский.

— Нормально.

— Так что же вам, Дмитрий Алексеевич, сказать?.. После драки кулаками не машут... Мы, разумеется, положим вас, примем меры...

— Я приехал не умирать,— перебивает Гусев,— мне нужна операция.

— Но мы не делаем их, дорогой...

— А для чего у вас этот стол?

— Для собак.

— Согласен на собачьем. Я не гордый, переживу.

— Переживете? Ну, а если нет?

— На нет и суда нет.

— Бывает, однако. Самый настоящий суд. Из операционной выходят несколько ассистентов, начинают мыть руки.

— Кстати, половина собак пока погибает,— говорит Покровский.

— А я как раз из другой половины.

— Я не имею права экспериментировать на человеке.

— Но когда-нибудь нужно же начинать? Начните с меня!

— Не могу.— Он отходит в глубину.

— Можете. Если есть малейший шанс, я согласен.

— Нет этого шанса! — сердито кричит Покровский, потом смотрит на Гусева и мягко поправляется: — Ну, почти нет.

— Я должен жить,— говорит Гусев.

Покровский подходит к Гусеву, испытующе смотрит на него.

— Сложное дело,— говорит он.— Законом ли это — вопрос для меня десятый... А вот выдержишь ли ты?

Гусев вдруг широко ухмыляется.

— Ну, раз хирург перешел на «ты» — значит, все в порядке: операция будет,— говорит он.

Больничная палата. На одной из коек лежит Гусев, вторая — пуста.

Открывается дверь, и входит здоровенный ребенок. Больничная пижама ему мала: косая сажень в плечах. Весь он так и пышет здоровьем.

— Познакомимся,— улыбаясь до самых ушей, говорит он.— Это я. Меня тоже зовут Митей!

— Редчайший случай,— медленно говорит Гусев, чуть заметно улыбаясь.— Чем это вы больны, Митя второй?

— А я не болен, я здоров. Здоровей не бывает. Так что не беспокойтесь!

— А, собственно, о чем мне беспокоиться? — все так же улыбаясь и так же медленно говорит Гусев.

— Как о чем? Я же донор! У меня возьмут костный мозг, пересадят вам — и порядок.

— И вам не жалко, Митя второй?

— Чего?

— Костного мозга.

— Видите ли, я заинтересованное лицо: вы — тема моей диссертации: дробное облучение...

В дверях появляется сестра:

— К вам посетитель,— говорит она Гусеву.

— Просите.

— Одну минуточку! — все так же сияя, говорит Митя второй.— Дробное облучение — и лучевой удар. Одновременно! Ведь это редкость!.. Но вы должны подробно, тщательно, как полагается ученыму, информировать.

В палату входит Куликов.

— Не ждал?

— Не ждал.

— А мы вот с Лелей взяли и прилетели.

— Спасибо.

Подобрав халат, Куликов присаживается на краешек кровати.

— Ну, ладно мы после договорим,— великолюдно решает Митя второй.— Я, пожалуй, покурю. Только вы недолго! У нас важный разговор.

— Простите, у меня тоже очень важный,— говорит Куликов.

— Идите, Митя второй, мы недолго,— говорит Гусев.

Митя второй выходит.

Куликов наклоняется к Гусеву.

— Операция завтра?

— Да. В восемь утра... Где Леля?

— Она внизу.

— Пожалуй, не нужно ей сегодня... глядеть на меня?

— Пожалуй, не нужно,— говорит Куликов и, спохватившись, испуганно смотрит на Гусева.

Тот улыбается.

— Ну, чего ты испугался?

— Нет, ты не думай, я тебе все объясню... Видишь ли, мне, кажется, удалось осмыслить природу этого явления.

— Я тоже понял ее. Это не термояд.

— Но тем не менее, Митя, это, так сказать, крупнейшее событие.

— Для астрофизиков. Я даже представляю себе заголовок в «Технике молодежи»: «Раскрыта тайна магнитных бурь и северных сия-

ний. В лаборатории воспроизведены процессы, происходящие на поверхности Солнца...»

— Но ты не понимаешь всей грандиозности...

— И все-таки это не термояд.

— Институт составляет доклад. Мы предлагаем назвать это эффектом Гусева.

— Эффект Гусева? Неплохо. Но все-таки это не термояд.

— Не шути! Не многим в жизни удавалось такое.

— И, кроме того, фамилия у меня подгуляла,— говорит Гусев.— Рентген, Вольт, Ампер, Кюри—это были фамилии! Пятьсот вольт—звукит. Две тысячи ампер—звукит. Восемьсот пятьдесят рентген—тоже звучит, хотя не очень весело... А тут—Гусев. Единицу интенсивности излучения придется назвать «гусь». Наша новая установка мощностью в десять «гусей»... Нехорошо. Некрасиво. Даже смешно.

— Мне совсем не смешно,— говорит Илья.

— Тебе иногда не хватало юмора...

Илья вдруг отходит к окну.

— Если бы человечество состояло из Гусевых,— говорит он.

Он плачет.

— Тебе и сейчас не хватает юмора,— говорит Гусев.— Представь себе только три миллиарда Гусевых. Желтые Гусевы, черные Гусевы, белые Гусевы...

Поздний вечер.

Раздевалка уже пуста.

Леля поворачивает голову.

Илья идет к ней.

— Операция в восемь утра. Пойдем, Леля?

Она молчит.

— Будешь сидеть всю ночь?

Она молчит.

Илья садится рядом. Тишина.

— Кто здесь к Гусеву? — спрашивает вошедшая санитарка.

Леля испуганно вскакивает.

— Вам записка...

Леля берет записку, долго не решается раскрыть ее, глядит то на санитарку, то на бумагу в своей руке. Наконец разворачивает.

«Леля! Если Илья сумеет раздобыть мне хоть какие-нибудь брюки, мы еще успеем смотреться в «Арагви».

И внизу, вместо подписи—три человечка: по краям мужчины, а в середине женщина. Человечки держатся за руки.

А в огромном пустом вестибюле института сидит на скамейке Леля.

ФИЛЬМОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

По сценарию М. Ромма и Д. Храбровицкого «Девять дней одного года» на студии «Мосфильм» в 1961 году поставлен художественный фильм того же названия.

В 1962 году на XIII Международном кинофестивале в Карловых Варах фильм «Девять дней одного года» получил Большую премию фестиваля — Хрустальный глобус.

Режиссер-постановщик — М. Ромм. Оператор — Г. Лавров. Художник — Г. Колганов. Композитор — Д. Тер-Татевосян. Звукооператор — Б. Вольский.

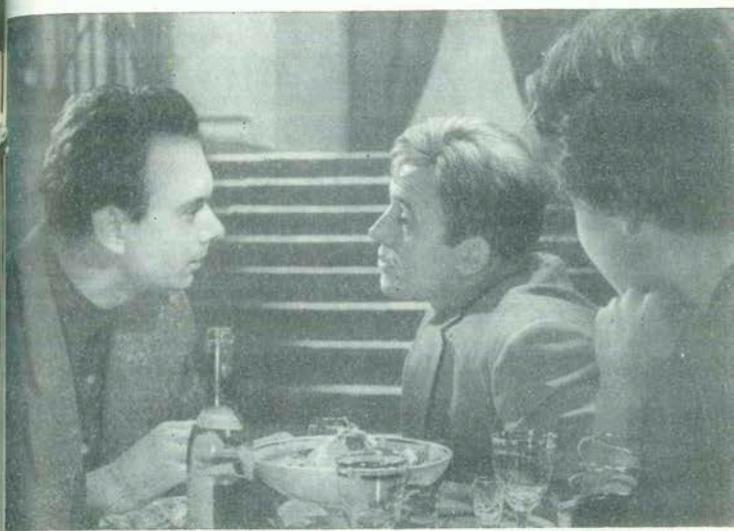
Роли исполняют:

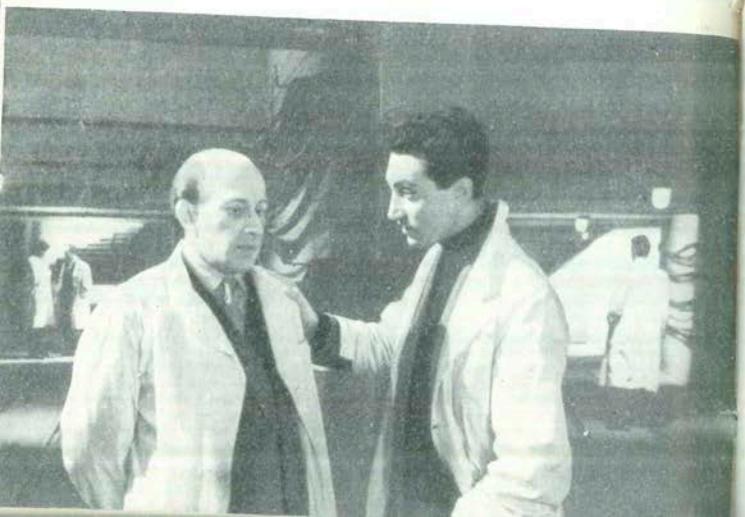
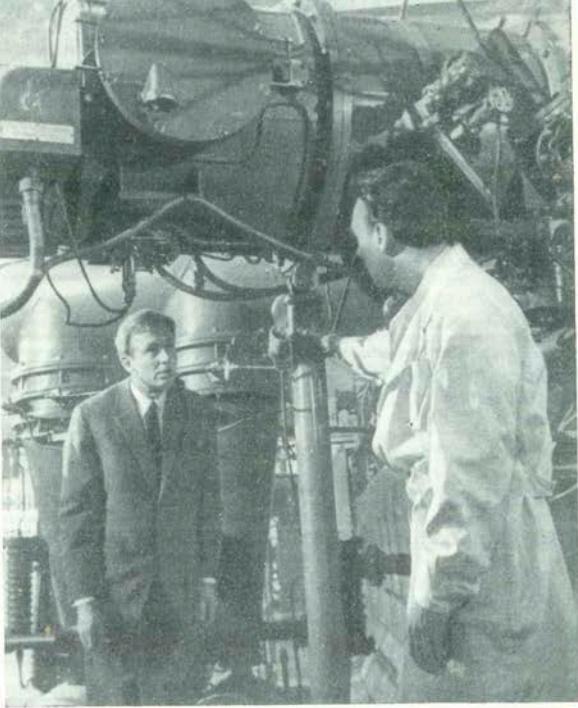
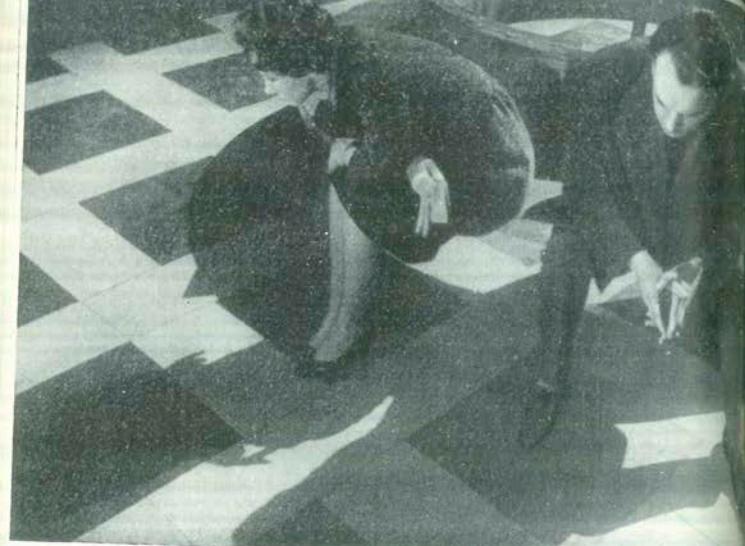
Дмитрий Гусев — А. Баталов, Илья Куликов — И. Смоктуновский, Леля — Т. Лаврова, Синцов, профессор-физик — Н. Плотников, его жена — А. Войцик, Бутов, директор научно-исследовательского института — С. Блинников, Николай Иванович, физик, сотрудник института — Е. Евстигнеев, Валерий Иванович, физик, сотрудник института — М. Козаков, отец Д. Гусева — Н. Сергеев, Нюра, сестра Гусева — Л. Овчинникова, профессор Покровский, директор клиники — С. Тетерин, текст читает З. Гердт.

В эпизодах участвуют:

И. Граббе, В. Никулин, П. Шпрингфельд, А. Пелевин, В. Беляева, Ю. Киреев, Б. Яшин, И. Добролюбов, А. Смирнов, А. Павлова, Р. Эсадзе, Г. Епифанцев, Л. Дуров, Н. Батырева, З. Чекулаева, И. Ясолович.

*Михаил Ильич Ромм,
Даниил Яковлевич Храбровицкий*

ДЕВЯТЬ ДНЕЙ ОДНОГО ГОДА

Редактор *А. Г. Назарова*

Художник оформитель *И. С. Клейнэрд*

Художественный редактор *З. Я. Шарова*

Технический редактор *В. У. Борисова*

Корректор *Б. М. Северина*

Сдано в набор 21/V 1962 г.

Подписано в печать 14/VII 1962 г.

Форм. бум. 70×90 $\frac{1}{2}$. Печ. л. 3. (Условных 3,51).

Уч. изд. л. 3,42. Тираж 13 000 экз. А07818.

Изд. № 15449. Заказ тип. № 414.

«Искусство», Москва, И-51, Цветной бульвар, 25

Московская типография № 8

Управления полиграфической промышленности Мосгорсовнархоза
Москва, 1-й Рижский пер., 2

Цена 19 коп.

Даниил Яковлевич Храбровицкий, после окончания десятилетки в Тбилиси, шестнадцатилетним пареньком приехал в Москву. Он поступил в Литературный институт. Но учебу прервала война.

Всю войну — с первого до последнего дня — он провел в Армии. Демобилизовавшись в 1945 году, начал работать в газете — сначала в «Пионерской правде», потом перешел в «Комсомольскую правду».

Одновременно с работой журналиста, Храбровицкий начал пробовать свои силы и в драматургии.

Когда Д. Храбровицкий пришел в сценарную мастерскую Е. Габриловича, им уже было написано несколько пьес и сценарий «Четверо». Одна из его пьес «Гражданин Франции» стала наиболее популярной и шла не только во многих театрах страны, но и за ее пределами. По его сценарию «Четверо» режиссером В. Ордынским был поставлен фильм того же названия.

Перу талантливого сценариста принадлежат также сценарии широко известных, полюбившихся зрителям фильмов «Исправленному верить», «Все начинается с дороги», «Чистое небо».

Сценарий фильма «Девять дней одного года» написан Д. Храбровицким в творческом содружестве с режиссером М. И. Роммом.

Цена 19 коп.

